

Трое из леса

Юрий НИКИТИН
Семеро Тайных

«ЭКСМО»

1998

Никитин Ю. А.

Семеро Тайных / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 1998 — (Трое из леса)

Перед Троицею из Леса открываются три дороги. Каждый должен выбрать и пройти свою. Волхв Олег уходит в далекие пещеры, чтобы постигнуть великую премудрость чародейства. Три года упорных трудов и одиночества не проходят бесследно, и, вооруженный новыми знаниями и силами, он смело отправляется на поиски магической Жемчужины, исполняющей любые желания...

© Никитин Ю. А., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	53
Глава 11	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Юрий Никитин

Семеро Тайных

Часть I

Глава 1

Олег с таким усилием держал голову прямо, что шейные позвонки трещали, как молодой лед под ногами. Сзади Мрак с Таргитаем. Правда, сейчас тоже идут в разные стороны, но если оглянуться, можно их еще увидеть...

Солнечные лучи прорывались сквозь ветви. По земле двигались странные кружевные узоры. Конец всем дракам, проплыла трезвая мысль. Конец этому нелепому маханию топорами, мечами, при котором и он вынужденно – не стоять же в стороне! – глупо и дико для мыслителя бил посохом мудреца по головам тех людей, вся вина которых только в том, что чего-то не знают, недопонимают, не умеют добыть на пропитание другим путем, кроме как выскакивать из кустов с диким воплем: «Калита аль живот!»

И все-таки ноги с каждым шагом становятся тяжелее. Наконец он едва отрывал подошвы от земли, а в спине появилось ощущение, что кто-то водит между лопатками обнаженным лезвием.

Зябко передернул плечами, заставил себя двигаться, но теперь остро почувствовал, что на нем ничего, кроме распахнутой на груди волчовки, портков из грубо выделанной кожи и стоптанных сапог. Ни лат, ни кольчуги, ни доспехов, что защитили бы от стрелы, метко брошенного дротика или швыряльного ножа...

Чувство нацеленного в спину острия копья стало вдруг таким сильным, что невольно метнулся в сторону, обернулся, чувствуя, как бешено колотится о ребра насмерть перепуганное сердце.

Сиплое дыхание заглушало все звуки, даже в сотне шагов в кустах совершенно бесшумно проломился толстый кабан, посмотрел маленькими злобными глазками, попятился и пропал в чаще.

На дороге позади пусто. Справа и слева – тоже. Высоко в синеве неба удалось различить жаворонка. Стук сердца и хрип в груди заглушают его верещание, но и с небес вроде бы ничего не грозит...

Так откуда же?

– Черт бы меня побрал, – сказал он вслух. Во рту стало горько, словно пожевал полыни. – Это же просто... трусость. Признайся, здесь нет никого, никто не услышит!.. Ты трусил даже с Мраком и Таргитаем, так каково же сейчас, когда один и голый? Без длинной секиры Мрака, без меча отважного до дурости Таргитая?

Он с усилием заставил себя сделать шаг. Ноги тряслись, а лопатки пытались сомкнуться, чувствуя холод острого железа.

Дорога пошла вниз, слева тянулся каменный гребень, мельчал, истончаясь, как хвост огромной ящерицы. За шипастым каменным гребнем открылась широкая долина, а в ней привольно раскинулся город. Хотя домам не тесно, но и за городской стеной уже белеют хатки с оранжевыми соломенными крышами, сараи, амбары, и во всем чувствуется, что враг давно не появлялся в этих краях, народ отвык со всем добром прятаться за городские стены.

Солнце еще висело над крышами. Только что добыли Перо, но сейчас это в таком далеком прошлом, словно минуло десяток лет. Может быть, потому, что это для Мрака подвиги,

а для него только досадные помехи на пути к заветной пещере, где он забьется в угол и будет постигать-постигать-постигать великую премудрость чародейства?

На город он смотрел долго и жадно. А когда на полнеба запылал кровавый закат, повернулся и потащился в глубь леса. Чашу чувствовал всем нутром лесного человека, который не только родился и прожил всю жизнь в самом дремучем лесу, но и его отцы-прадеды жили там тысячи и тысячи лет, сроднились с деревьями, срослись, привыкли только в чаще искать убежище и безопасность.

С этого дня он поселился в лесу. Жил сперва как зверь: разве что убивал не клыками, а камнями и палками, спал либо под деревом, либо на самом дереве.

Пояс ослабел, пришлось проткнуть еще три дырки, потом настали холода, он однажды проснулся, наполовину засыпанный снегом. Едва поднялся, дрожь сотрясала так, что кости стучали, как в тонком мешке, и грозили выскочить наружу. Правда, снег вскоре растаял, но Олег впервые заметил, что листья не только пожелтели, но шуршат не на ветках, а под ногами.

Холод донимал сильнее дождя или голода, на которые не обращал внимания вовсе. А главное, сбивал с мыслей, заставлял отвлекаться, и он, все еще весь в том, запредельном мире, построил землянку. Ну, не совсем построил, а просто выгнал медведя из берлоги, накрыл упавшими деревьями и жердями. Там хватало тепла, костер разводил часто, угли от вчерашнего редко доживали до утра.

Когда совсем похолодало, в груди внезапно кольнуло. Он удивился смутно, никогда ничего не болело, а сейчас острая боль потерзала и сменилась тревожным нытьем, гадким предчувствием беды. В мире совершалось страшное и неразумное, он все никак не мог ощутить, пока перед глазами не встало в кровавом тумане оскаленное лицо лохматого человека, вздвигшиеся от жуткого беззвучного крика жилы на лбу и висках, обезумевшие от боли глаза...

Он вздрогнул так, что от резкого движения заныли суставы, едва удержавшись на месте. Его подбросило, а пока метался по пещере, губы сами шептали заклятия, а пальцы вязали из воздуха незримые петли, способные удавить медведя и удержать падающую скалу.

Лесные звери в страхе забились в норы, когда на месте медвежьего логова взвился мощный вихрь, разбросал бревна и землю. Деревья зашумели, одна вершинка с треском отломилась, ее завертело в смерче, затем медленно падала вниз, а сгусток ветра унесся в сторону востока.

Далеко внизу багряный массив осеннего леса начал прорываться пятнами открытого пространства, пятна ширились, сливались, потом уже красно-желтый лес виднелся островками, наконец на виднокрае встал блистающий город.

Чувствуя, как раскаляется вихрь, он бросил его круто вниз, там зияла красная полоса, разрослась, оттуда дым и адский жар, в сторонке множество людей, кони, колесница с красными как пламя конями, человек в волчовке, наброшенной на голый торс...

Вихрь с грохотом ударил в землю. Олег пошатнулся, но устоял. Краем глаза видел падающих ниц людей, даже слышал шепот, величали великим и ужасным, с кем-то явно спутали, а перед ним Мрак, прежний и такой же угрюмый, лохматый, сильно исхудавший, с голодным блеском в темных как ночь глазах.

Он растянул губы в усмешке, помахал рукой:

– Привет, Олег. А где наш бог?

Олег смотрел на оборотня, чувствовал, что сам отвечает, говорит обиходные слова, но глаза не отрываются от лица Мрака, на котором отпечаталось все пережитое, а пережил оборотень, судя по его виду, столько, что другому хватило бы на сто тысяч жизней.

На миг лицо Мрака посерело, Олег ощутил, что сказал что-то, задевшее несокрушимого оборотня, но тут глаза Мрака расширились в радостном удивлении, он пригнулся, растопырил руки, ему на шею с радостным визгом бросилась крохотная девчушка, похожая на веселого рыжего кузнечика.

Мрак выпрямился, прижимая ее к груди. Девчушка повернула голову к Олегу. Личико ее было смеющееся, но в серьезных глазах был вопрос. Олег кивнул:

– Он еще вернется. Но сейчас ему надо со мной.

Мрак насторожился – никогда волхв не говорил так серьезно, опустил ребенка на землю.

– Кузенька, я вернусь!

Девочка сказала требовательно:

– Не забывай, что это я выйду за тебя замуж!

– Не забуду, – пообещал Мрак. – Такое не забуду.

– Я тебя буду ждать!

– Я обязательно вернусь, – пообещал Мрак.

Олег двигал руками, вокруг них ветер пошел по кругу, поднимая пыль, потащил сухие листья. Девочка, глядя на Олега исподлюбья, с неохотой отступила. Ее подхватили богато одетые люди, оттащили. Там стояла толпа, кто все еще на коленях, кто уже встал, все со страхом пялились на зарождающийся смерч.

Ветер трепал их волосы, пытался сорвать одежду.

Мрак прокричал:

– А ты... в самом деле поднимешь обоих? Небось выдохся.

– Не трясись, – прокричал Олег в ответ, – я в медвежьей берлоге поднакопил силы.

– Ты сидел в берлоге?

Мрак засмеялся, зубы выглянули острые, волчьи клыки выдвинулись и заблестели на солнце. Все еще думает, что шутит. С его мощью почему бы каганов и королей не заставить подавать себе сапоги?

Их сдавило, Мрак задохся на полуслове. В следующее мгновение тела налились тяжестью, в глазах стало красно от притока крови. Под ногами в страшной пустоте быстро удалялась серая земля, потерявшая цвет, даже видны островки снега в лесу...

Олег стиснул челюсти, направил вихрь по косой вверх, потом так же по косой вниз. Незримые руки давили грудь, дышать приходилось сквозь зубы. Он страшился, как бы носом не пошла кровь, он всегда боялся вида своей крови, все тело холонет, теряется власть над телом, а если ее потерять...

Внизу замелькали серые вершинки голого леса. Затем мелькнули распаханное под пары поля, низенькие хатки, хозяйственные постройки. Их несло над крышами, Олег вытянул голову, бледный и сосредоточенный, выбирал место, затем их качнуло, бросило пару раз из стороны в сторону, под ногами твердь исчезла, сердце Мрака оборвалось...

Ноги ударились оземь. Олег, не удержавшись, нелепо брякнулся на спину, перекувыркнулся через голову и вскочил на ноги. Мрак наблюдал насмешливо, он даже не покачнулся, словно его с размаху воткнули в землю как кол.

– Скоро и ходить разучишься, – посочувствовал он. – В берлоге небось все на четвереньках, на четвереньках. И куда занес? Вирий вона где!

Его корявый палец тыкал поверх головы, а смеющиеся глаза не оставляли рассерженное лицо волхва. Олег нахмурился:

– Ты хочешь в вирий?

– А ты куда меня звал?

– К Таргитаю.

– Ну?

Вместо ответа Олег молча пошел в сторону зданий. Ближайшее оказалось конюшней. Из раскрытых ворот несло теплым духом животного присутствия, ароматами сена, конских каштанов, крепкого пота. У самого края по желобку бежал желтый ручеек с сильным запахом мочи.

Сверкающий день остался за спинами, а здесь они в приятном полумраке двигались вдоль ряда конских яслей. Кони изредка вскидывали головы, на Олега и Мрака смотрели добрые коричневые глаза, слышался хруст перетираемого зерна. В каждом деревянном ящике Олег видел овес или пшеницу, на полу разбросаны охапки чистой соломы, в дальнем углу целая копна сена...

Впереди мелькнула человеческая фигура, исчезла за статным конем. Жеребец стоял смиренно, изредка помахивая хвостом. Человек звучно скреб щеткой, слышны были шлепки по крутому крупу.

Олег тихонько свистнул. Человек вскинул голову, застыл с щеткой в руке. Мрак сделал пару шагов и тоже застыл. А человек со счастливым щенячьим визгом бросился к ним, Мрак не успел отшатнуться, как Таргитай повис на шее, обнюхивал, обнимал, прижимался, счастливо верещал, как ополоумевшая белка, что нашла брошенную кладовку с запасом орехов на три зимы.

Мрак с безразличностью отодвинул придурковатого бога на расстояние руки. Лицо Таргитая в пятнах сажи, словно уже и подковы сам кует, похудел, но глаза счастливые, уши торчком, рот до ушей.

– Ты это чего?

Таргитай снова бросился ему на шею, Мрак перехватил, безразлично отодвинул. Крылья носа задержались.

– Чем от тебя так несет?.. Навозом, понятно... А еще чем? Что стряслось, Тарх?

– Мрак, – сказал Таргитай восторженно, – это ты, Мрак! Как здорово, Мрак!.. Это опять ты, Мрак!.. А это Олег! Вы не исчезайте, а то я опять подумаю, что мне привиделось, как видится, как только глаза закрою... Мрак, как здорово, что ты Мрак, что ты здесь, что я смотрю на тебя...

Мрак с отвращением повернулся к Олегу, но Таргитая держал на вытянутой руке, не давался в божьи объятия.

– Что с ним? Из вирия в шею?

– У него спроси, – посоветовал Олег мирно.

Мрак тряхнул певца за шиворот.

– Ну?

Таргитай смотрел влюбленными глазами, даже губы вытянул трубочкой, будто старался достать ими грозного оборотня. Олег осмотрелся.

– Давайте закончим неспешную беседу... в другом месте.

В ярком квадрате солнечного дня возник растопыренный человеческий силуэт с непомерно широкими плечами и квадратной головой. Лица его было не рассмотреть, да и сам силуэт трепетал и размывался по краям, но чувствовалась немалая звериная сила. Зычный голос проревел:

– Эй, вы кто? Опять ворье?

В правой руке появилась палка, больше похожая на оглоблю. Таргитай торопливо закричал:

– Дядя Вяз, дядя Вяз!.. Это свои! Старых друзей встретил!

– Друзей? – прорычал мужик. – Откуда у таких придурков друзья?

Он слегка посторонился, давая им выйти на солнечный свет. Сам был коренастым и широким, почти квадратным, с узловатыми от постоянной тяжелой работы руками, побитым шрамами лицом и маленькими подозрительными глазками. Палка в правой руке угрожающе покачивалась.

– Есть и у меня друзья, – сказал Таргитай счастливо. – Мы из одной деревни!

Лицо мужика не изменилось, но голос стал чуть мягче:

– Ладно, пообщайся. Но потом чтоб всех коней почистил!.. И сена подбрось, у Красного Ветра маловато. Синей Жилке ключевой воды налей, всю выжрала, ненасытная...

– Все сделаю, дядя Вяз, – заверил Таргитай. – Все сделаю!

Он увлек обоих в раскрытые двери соседнего сарайчика, где сено было как наверху на сеновале, так и весь сарай забит до половины. С разбега кувыркнулся, плюхнулся, раскинув руки. Глаза были ошалелые, на морде ликование и страх, что счастье так же внезапно кончится.

Мрак опустил на сено с волчьей осторожностью, а Олег вовсе прислонился спиной к косяку, остался на границе света и тени. Таргитай вытащил из-за пазухи дудочку:

– Сейчас я вам сыграю!

– погоди, – остановил Мрак. – Сперва скажи, что стряслось? За что тебя из вирия? Ты ничо себе не отбил, когда грохнулся?

Таргитай счастливо бил руками по сему, словно плыл, ответил не сразу, даже не слышал, потом увидел устремленные на него глаза оборотня и волхва, удивился:

– Из вирия? Из какого вирия?

– Но ты же бог, – напомнил Мрак.

– Ну и что? – возразил Таргитай жалобно. – Опять вы за свое!.. А мне ж там не обязательно. А раз так, то я среди людей... тоже как человек. А что? Почему мне нельзя?

Мрак не нашелся, что ответить, Олег бросил от двери:

– Можно, можно. Мраку другое непонятно. Как, мол, ты отказался от всего такого... Ну, хрустальные дворцы, челядь в павлиньих перьях, на все согласные девки... Правда, с тобой они и так... но все же дворцы – это дворцы!

Таргитай перекатился ближе к Мраку, прижался теплым боком. Преданные глаза смотрели на Мрака с любовью и тревогой.

– Мрак, с тобой все в порядке?.. Что яд уйдет, я всегда верил, Олег у нас умный, он придумает, он спасет, он отыщет...

Олег поморщился:

– Я при чем? Я как раз даже пальцем не шелохнул. Он сам... да так сам, что вселенная содрогнулась. Он такое натворил, что я бы с ума сошел со страха. Да и ему будет не по себе, когда поймет...

Мрак с ленивой насмешкой посмотрел на волхва.

– Ну и что я такое натворил?

Таргитай поддержал преданно:

– Да-да, что он такое натворил?

Олег сказал негромко:

– Ты. Стер. Запись. В. Книге. Судеб. Понял?

– Ну?

– Вот и гну, дуга будет. Теперь тебя вообще нет в реестре. Ты выпал из списка живых. А это значит, что смерть к тебе никогда не придет... сама. Ты можешь погибнуть хоть завтра, хоть сегодня, но если тебя не ударить по голове топором, не утопить в реке или не быть укушенным змеей, то никогда не умрешь!

В сарае настала звенящая тишина. В луче солнечного света пылинки как кружились, так и застыли. Таргитай, не дыша и с остановившимися глазами, повернулся к Мраку. Оборотень горделиво улыбнулся, расправил пошире плечи. На лице была победная улыбка, что ширилась и ширилась, затем застыла, губы выглядели как каменные, лицо тоже стало цвета серого камня, затем губы пошли в обратную сторону, нижняя челюсть медленно отвисла.

Некоторое время Мрак смотрел неотрывно в зеленые глаза волхва, потом Олег и Таргитай увидели, как на лице неустрашимого оборотня проступает откровенный страх.

– Это что же...

Голос его дрожал как оборванная паутинка. Олег с великой жалостью проговорил:

– Да, Мрак. Тебе выпало настолько много... Нет, ты, в погоне за малостью... если наша жизнь – малость, вырвал для себя настолько много, настолько... И не для нашего мира, не для нашего дар. Тьфу, не дар это! Это я бы мог в дар или Тарх, а ты своими руками...

Он умолк, кадык дернулся, проглатывая слова, которые Мрак договорит сам про себя. Человек живет легко и беспечно, зная, что век его недолог. Как бы ни хоронился от бед, сражений и схваток, все равно скоро постареешь, согнешься и уйдешь в ту же землю, из которой вышел. Но если срок твоей жизни зависит только от тебя, вокруг будут стареть и уходить твои ровесники, будут вырастать леса и рассыпаться в пыль, пересыхать реки, а на их местах вырастут блистающие золотом Пески, молодые горы прорастут из недр земли, поцарапают небесную твердь и рассыплются от старости в пыль, а ты будешь идти все такой же молодой и полный звериной силы...

Мрак прохрипел перехваченным страхом голосом:

– Олег, ты там поглядывай. Если какая гадюка вдруг, дави сапогом.

Таргитай распахнул наивные синие глаза:

– Так тебя ж кусали гадюки! И ничего... Сами померли.

– То раньше, – огрызнулся Мрак. – Раз на раз не приходится. А если у какой яду больше?..

Черт, Олег! Ну, удружил. От врага вреда меньше.

Олег сказал поникшим голосом:

– Ты бы сам все равно ощутил. Так лучше сейчас, на сене. Чтоб падать было легче. А если бы ты такое сообразил в разгар пьяной драки в корчме...

Мрак зябко повел плечами.

– Что-то мне не по себе...

– Когда мы шли вместе, – проговорил Олег, – все тяжести и беды сыпались на твои плечи. Твоя жизнь постоянно висела на волоске. И даже сейчас, когда каждый своей дорогой, тебе самое тяжелое... Не знаю, Мрак. Скажу честно, у меня хребет бы хрястнул!

Со двора раздался требовательный голос хозяина. Таргитай сунул дудочку за пазуху, встал. Мрак посмотрел исподлобья:

– Тебе в самом деле здесь хорошо?

– Конечно, – ответил Таргитай убежденно. – Они все здесь добрые. Он кричит-кричит, но никогда не бил. И жена его добрая, всегда свежим борщом кормит. И кони здесь добрые, не лягаются. Даже гуси ни разу не щипали! Разве что в первый день... Здесь хорошо. Только, говорят, артане скоро нападут, тогда придет беда... Но это ж не скоро. А может, и не нападут.

Хозяин прокричал громче. Таргитай побрел к выходу. Мрак повернулся к Олегу:

– А ты сейчас...

– К себе в пещеру, – ответил Олег. Не стал объяснять, что за неимением пещеры сидит в медвежьей берлоге. – А что?

– На артан бы взглянуть...

– Я пройду наискось через Артанию. Могу опустить тебя хоть среди их воинского лагеря.

– Среди лагеря не надо, – ответил Мрак непривычным для него смиренным голосом. – Лучше тоже... в лесу.

Видно было, как Таргитай пересек залитый солнцем двор, набрал у колодца бадью с водой и исчез в темном зеве конюшни. Мрак ощутил знакомое завихрение воздуха, волосы растрепало, сильные руки вихря пытались сорвать одежду и перевязь с секирой, потом с огромной силой дернуло, успел увидеть бешено удаляющуюся землю. С боков заволочло туманом, чувствовал, как влага пропитывает одежду, волосы, заползает вовнутрь, затем снова свет, солнце уже блистало не справа, а било прямо в глаза, в ноздри ударил запах хвои.

Глава 2

Зима тянулась медленнее и дольше, чем живица за прилипшим к ней жуком. Не из-за одиночества, как страдал бы Таргитай, а что в мучительных размышлениях так и не нашел ответ, как сделать людей счастливыми раз и навсегда.

Трижды возвращался медведь. То ли забывал, что его выгнали, то ли не находил другой берлоги, Олег выпихивал его снова, пока однажды, проснувшись, не обнаружил, что ногам непривычно тепло. Измученному медведю было не до драки, ночью сумел пробраться в свой бывший дом и тут же заснул, отвернувшись от злого человека к стене.

Весну Олег ощутил, только проснувшись в луже талой воды. Продрог так, что нос раздуло на полморды, глаза покраснели и слезились, в груди хрипело, как после долгого и тяжелого бега. Он кашлял, чихал, размазывал сопли, не понимая, что это с ним.

Медведь наконец проснулся, кожа да кости, Олег рыкнул, медведь опасливо убрался искать добычу попроще, и с тех пор Олег его больше не видел.

Чтобы не отвлекаться от настойчивых размышлений, от которых нередко трещал череп, приучил тело терпеть голод и холод больше, чем даже ко всему привычные невры, привыкшие спать как на голых камнях, так и на снегу. Питался как убитой птицей или зверьком, так и листьями, яйцами, благо чуть ли не в каждом кусту по гнезду, ел жуков, кузнечиков, улиток и вообще все, что ползало, летало, прыгало.

За время тяжких и настойчивых раздумий сумел овладеть одним-единственным заклинанием: умел зажигать огонь, который удавалось все же гасить, в отличие от того... Он зябко повел плечами, вспомнив костер, что разжег по дури, даже бог погасить не сумел. Хотя, правда, бог никудышный, только играет как бог, а костры тушит так же паршиво, как и возжигает...

Теперь перед ним почти всегда горел костер. В бликах метались призрачные красные тени, мчались всадники, горели дома и посева, падали сраженные люди... И так без конца, пока пылал огонь. И никогда не удавалось узреть, как люди мирно падут и размножаются.

Когда он в третий раз проснулся в ледяной воде, а сверху уже не капало, а струились ручейки мутной воды, несли сор, перепревшие листья, он смутно ощутил раздражение и недовольство. Все, кто желал набраться мудрости, обязательно уходили в дремучие леса, горы, забивались в пустыни, жили в полном одиночестве, только гады и звери вокруг, только так отыскивались в себе мудрые мысли, когда никто не гавкает под руку, не просит в долг, не уговаривает на попойку... но все же три года коту под хвост, а мудрого не придумано! Двадцать три весны минуло со дня рождения, так и до тридцати когда-нибудь домчится, а это – позор дожить до такой глубокой старости, ничего не совершив...

Он разделся донага, вымылся в лесном ручье. На кучу звериных шкур оглянулся с сожалением, все-таки три года на них спал и жил... а может, и больше, чем три, но когда снова напялил на себя уже выполосканную волчовку, холодную и мокрую, то пошел от своего гнезда, ни разу не оглянувшись.

Под ногами чавкало, воздух был холодный и мокрый. Деревья двигались навстречу серые, угрюмые, но затем земля пошла суше, стволы посветлели, Олег начал замечать зелень, впереди на звериную тропку впервые упал солнечный луч.

Наконец деревья начали медленно и торжественно расступаться. В просветы между стволами блеснул яркий свет. Мир открылся умытый, сверкающий, уже не зеленый сверху донизу: верхняя половина мира из темно-зеленой превратилась в ярко-синюю, а серо-коричневая нижняя покрылась изумрудной зеленью.

Далеко-далеко, почти на самом краю земли, блестели как слитки золота оранжевые точки. Там мир пахарей, землепашцев, ибо только крыши, крытые свежей соломой, могут бле-

стеть так чисто и ярко. И хотя до молодой свежей соломы еще далеко, но народ явно старательный, если по весне перебрал солому, укрыл крыши заново.

Чуть тусклее блестят крыши теремов, их можно угадать тоже, крыты дорогой гонтой.

– Что доброго в вечном ученичестве? – сказал он вслух и понял, что оправдывается. – Когда-то надо остановиться и начинать перестраивать мир... Иначе пока семь раз отмеришь, другие уже отрежут! Уже двадцать три весны, а я ничего... Что толку, если научусь всему годам к тридцати, а то и сорока? В той старости уже, может быть, и жить не захочется...

На пригорке он остановился на миг, сдерживая учащенное дыхание. Залитый ярким солнцем город блистал, как выкованный из золота, весь оранжевый, новенький, свеженький. Стена из толстых ошкуренных бревен, терема и простые дома сверкают очищенными от серой коры стенами, даже крыши словно только вчера перестлали новенькой гонтой, ровненькой и свежевystруганной.

Город, сказал он себе с жадным нетерпением. Как говорил Гольш, настоящая мощь приходит из Леса, но в городах получает остроту и блеск. Он до сих пор знает, только как трясти земли... ну, еще пару простейших заклятий, почти бесполезных по своей чудовищной силе, зато не в состоянии сдвинуть перышко. В городе же сотни умелых колдунов, могучих и умелых, знающих множество сложных заклятий, против таких магов он сопливый щенок. Эти колдуны даже в ученики примут не сразу, заставят полгода только двор подметать да воду свиньям носить в их свинское корыто...

Ладно, и пол подметет, и свиней напоит, и все-все, что от слуги и помощника требуется. Только бы начали учить! Учиться будет жадно, захлеб, пока из ушей не брызнет, а глаза не выпучатся, как у рака, да и тогда будет учиться, учиться, учиться!

Город обнесен высокой стеной из могучих стволов. Даже не стеной, а частоколом. Бревна ставили целиком, каждое в два обхвата, одно к другому прижато плотно. Быстрый и непостоянный город! Дерево скоро сгниет, придется ставить заново, но если на Востоке все навечно из добротного камня, жилище иной раз высекают прямо в горе, то здесь плотная раковина не ограничивает рост, как не дает перловице вырасти в большого и страшного зверя. Новый забор можно ставить намного дальше, если город растет, но легко и сузиться, если народу вдруг поменеет...

Его обогнали двое верховых, сзади послышался скрип, фыркнул конь. Догнала пустая телега – явно в город за товаром. Возница жестом пригласил Олега подсесть, ноги беречь надо, Олег развел руками и указал на небо, мол, звезды не велят.

Возница пожал плечами, на лице отразилось презрение. Молодой парняга с таким ростом и плечищами да на легкий харч в волхвы? Не по-мужски. Кнут свистнул в воздухе, лошадь понимающе мотнула головой и прибавила шаг. Плеть, правда, грозно посвистев, опустилась обратно в телегу. Лошадь поняла, ну и ладно. А этому с красной головой сама жизнь будет хор-р-рошим кнутом.

Из раскрытых ворот текли запахи свежего хлеба, мятой кожи, почему-то сильно пахло рыбой, словно город стоял не среди лесов, а на берегу океана.

Он поперхнулся, только сейчас заметив, что уже давно глотает голодную слюну. За эти бесплодные годы ни разу не ел досыта, отощал, волчовка как на пугале, кости торчат, одни мослы, уже от ветра шатаются. Хоть волосы подрезал, а бороду так и вовсе долой, теперь неприлично холодно...

Створки распахнутых ворот вросли в землю. Олег перевел дух. Благодатные края, если не запирают даже на ночь! Значит, здесь мудрость произрастает вольготно, не отвлекаясь на дурацкие воинские забавы.

Двое стражей, толстые и красномордые, лениво взирали на проезжающие подводы. Им под ноги сбрасывали по булыжнику. Олег не успел приблизиться, как набежали добрые молодцы в кожаных передниках, расхватили камни. Утащили во двор, где уже слышались звонкие удары железа о камень.

Мыта с него не запросили, пеший. Он видел, как по ту сторону ворот с десятков дикарщиков обтесывают глыбы в булыжники, укладывают взамен сгнившей бревенчатой мостовой. Телеги объезжали работающих стороной, возницы ехидно покрикивали, делали вид, что вот-вот задавят своими смиренными конягами, а те послушно всхрапывали и прикидывались, что готовы понестись вскачь...

С той стороны через ворота выезжал на толстом коне такой же толстый мужчина в кожаных доспехах, голова непокрыта, сапоги сияют – смотреть больно. С презрением посмотрел на Олега, зычно гаркнул стражам:

– Почему пускаете всяких?

Стражи на его красное лицо взирали без страха. Один отмахнулся:

– Да брось... Смотри, какой тощий! У него в одном кармане блоха на аркане, в другом – вошь на цепи.

– А вдруг лазутчик?

– Да ты погляди на него, – возразил страж.

Мужчина недовольно засопел. Конь под ним, воспользовавшись остановкой, чесался, нутужно сопя, всхрапывая, а когда закончил, вздохнул так тяжело, словно перевез гору из Родоп в Бескиды.

– Ну и что, если рыжий? – возразил всадник. – Хотя, с другой стороны, какой дурень пошлет рыжего, они ж заметные... Эй, рыжий, ты чего в наш город?

Олег ответил честно:

– Не знаю. А какой это город?

Мужик отшатнулся, конь всхрапнул и чуть присел, принимая тяжесть на круп. Стражи выпучили глаза, один что-то сказал вполголоса, другой ругнулся. А всадник вдруг икнул, раздуплся еще больше, внезапно запыхтел, словно вылезавшее из квашни тесто. Из широкой пасти внезапно вырвался раскатистый довольный смех, больше похожий на конское ржание, дар богов людям. Пурпур утренней зари играл на его могучих плечах, переходил на широченную грудь, высвечивая выпуклые и широкие, как щиты, пластины, внезапно выхватывал ровные валики мускулов живота, выпуклые и крупные, как валуны.

– М-м-молод-д-д-дец, – наконец выговорил он сквозь смех. Утер слезы, бросил все так же весело: – Ущучил так ущучил!.. Какой, мол, город... Видать, тоже посчитался по свету... А здесь, братец, знают только этот город и думают, что вот там за околицей земля вовсе кончается!

Он проехал мимо, на Олега пахнуло конским запахом, ароматом свежей кожи седла. За воротами этот бывалый воин, который уже знал, что на земле помимо этого града есть еще несколько, обернулся и помахал рукой:

– Ежели ты перешел лес и не заметил, то знай, ты уже в Артании!.. А этот город зовется Яблоневым.

Олег медленно брел по улице, держался под стенами, всем уступал дорогу, а когда встретил на завалинке старика на солнышке, дал монетку, чтобы тот рассказал страннику, что за город, что за Артания, если раньше здесь была, как он слышал, Гиперборея...

Похоже, дед и без монетки был рад слушателю, пусть даже рыжему. Олег узнал, что однажды с небес могучие боги сбросили на землю чудесные золотую чашу, соху с упряжью и боевой топор. От них шел такой яркий свет, что глаза слепило, как от солнца, а от жара загорались волосы.

Небесные вещи отыскивали молодые воины, но долго стояли кругом, не решаясь подъехать ближе, пока не прискакали молодые Арпо, Коло и Липо, совсем еще подростки, но силой превосходящие взрослых мужей. Первым попытался ухватить золотые вещи Арпо, но небесные дары сожгли ему кожу на ладонях, и он тут же выронил на землю. Вторым попытался взять Липо, однако вскрикнул и отдернул пальцы. И все услышали шипение и почуяли запах паленого мяса.

Тогда младший брат, Коло, не слезая с коня, нагнулся и легко подхватил с земли дары богов. В его руках они светили так же ярко, но глаз не жгли, и восхищенные всадники издали восторженный клич. Коло вскинул над головой чашу, топор и золотую соху, и все поняли значение небесных знаков и признали его самым великим героем и избранником небес.

Героям, как известно, дома не сидится. Братья вскоре разъехались, с каждым пошли его друзья и сторонники. Так на земле Гипербореи образовалось три царства: Куявия, Славия и Артания, а братья получили к именам приставки «ксай», что на языке гипербореев значит «царь».

Олег озадаченно качал головой. То ли герои растут быстрее, чем поднимается тесто на дрожжах, то ли в самом деле чересчур долго просидел в лесу, пытаясь познать мир.

– Спасибо, – поблагодарил он. – Теперь я знаю, в каком я мире.

Старик подслеповато шурился:

– Ты, зрю, совсем молод, а со старшими так вежественно... Откель такой?

Олег уклонился от ответа:

– Мудрость знает, что неважно откель, важнее – куда идем.

– Да-да, – поспешно согласился старик, – откель все мы... гм... известно, даже известно, куда придем в самом конце пути... но вот куда сходим по дороге... Подвигов ищешь?

– Ни в коем случае, – испугался Олег. – Мудрости ишу. Мне бы мудреца настоящего найти, поучиться!

Старец в удивлении раскрыл беззубый рот:

– Ну учудил... Ты ж, наверное, один такой на всем белом свете!

– Почему?

– А всяк жалуется то на нехватку денег, то на плохой меч, то на слабого коня, даже на собственную лень... но никто еще не жаловался на нехватку мозгов! А вон и худу-у-ущий, голодный, тощий...

Олег сказал смиренно:

– Тогда я – первый. Мозгов мне как раз и не хватает.

Старик еще раз смерил его задумчивым взором, перевел взгляд на улицу, что все больше заполнялась народом:

– Гм... Значит, ищешь мудреца?

– Да.

– Вот он, – сказал старик внезапно. Его корявый палец указал в глубь улицы, откуда двигалась телега, две женщины торопливо несли корзину с бельем, а посреди шел крепкопечей мужик с короткой черной бородой. Позади трое носильщиков несли вязанки хвороста.

– Кто из них?

– Вот тот, с топором за поясом.

Короткий топорик за поясом был только у чернобородого, и Олег окинул его оценивающим взглядом. Мудрец крепко сбит, со зверской рожей, кулаки как у великана, грудь словно сорокаведерная бочка.

– А что же он сказал мудрого?

– Сказать что, сказать каждый горазд. Особенно про себя... Но мудрость без дела мертва. А он, когда застал жену с другим мужиком, тому дал по роже, а жене свернул шею. Когда спро-

силы, почему не наоборот, он ответил: проще убрать причину, чем пару раз в неделю убивать по мужику.

Старик хохотнул, но Олег на какое-то время впал в раздумье. Волхв должен уметь учиться везде и на всем, впитывать знания, как мох воду, и сейчас, похоже, тоже что-то как таракан заползло в сосудик мудрости.

– Нет, – сказал он сожалеюще. – Конечно, это мудрец... Но мне нужен мудрец не житейский, а... черт, слова-то такого не знаю!

– Волхв?

– Да, – согласился Олег через силу, – но волхв не огнищанин или чревогадатель, а волхв ищущий... Нет, лучше – нашедший! Который не при храме, а в искании истины. Знающий могучие заклятия.

Старик умолк, посматривал на Олега с осторожностью. Пожевал дряблыми губами, надолго задумался. Олег уже начал отступать, пусть спит, но старик сказал вдруг, не поднимая головы:

– Там в середине... сразу за княжеским теремом и конюшнями... башня. Высокая, ее всяк зрит издали.

– Заметил, – ответил Олег быстро. Сердце радостно дрогнуло. Почти всякий колдун возводит для себя башню. Да еще как можно выше. – Там ваш городской колдун?

– А кто ж еще полезет на башню, как кот на дерево? Простому человеку звезды ни к чему.

– Да-да, – согласился Олег счастливо. – Зачем звезды коровнику? Да и огороду ни к чему...

Старик подслеповато смотрел вслед рослому парню, такому вежественному и уважительному. И понимающему, что звезды звездами, а жизнь жизнью.

Глава 3

Как хорошо, думал Олег. Забывшись, шел посреди улицы. Только из леса, как сразу тебе колдун по дороге! А у другого проще научиться на готовеньком, чем постигать самому. Да что там постигать, надо ж сперва найти то, что постигать...

Он вздрогнул, совсем рядом застучали копыта, пахнуло крепким конским потом, а над головой прогремела грубая брань. Крепкий мужик в кожаных доспехах, но с голыми руками до плеч, уверенно и надменно сидел на коне. Крупные глаза навывкате смотрели лютно.

– Что за невежа прет посреди улицы?

– А что за невежа бранится? – ответил Олег раньше, чем сдержал себя, мудрый в уличные ссоры не ввязывается.

Мужик развернул к нему коня. Широкая, как таз, рожа перекосилась в безмерном удивлении.

– Кто это там внизу такой храбрый?

– Слезай с коня, – пригласил Олег, – узнаешь.

Мужик уже сделал движение спрыгнуть на землю, но вдруг в глазах появилось задумчивое выражение. Взгляд снова и снова пробежал по костлявым, но все равно широким плечам этого изможденного парня в звериной шкуре, жилистой шее, оценил спокойствие, за которым что-то кроется.

– Да пошел ты, – ответил он с натужным презрением. – Стану я руки марать о такой шкилет!

Конь попятился, Олег пожал плечами и пошел дальше, а за спиной был удаляющийся дробный перестук копыт. Вдоль домов в землю втоптаны широкие доски, явно весной здесь непролазная грязь, сейчас от жары их покорибило, концы пытались стукнуть по ногам, чтобы на потеху другим доскам разиня грохнулся мордой оземь.

Стук копыт еще не затих, а ближайшая калитка отворилась. Выглянул щуплый мужичишка, опасливо огляделся по сторонам, сказал Олегу с восхищенным осуждением:

– Больно смел, паря... Это ж сам Твердяк!

– Мне он твердым не показался, – обронил Олег. – А что?

Мужичонка снова опасливо огляделся, сказал тихо:

– Кто бы ты ни был, в недоброе время ты сюда забрел.

– Знакомо, – ответил Олег.

– Что?

– Куда бы я ни забрел, везде время недоброе. Может быть, так везде?

Тот сказал обидчиво:

– Смотри, мое дело предупредить. Уже за это у Ящера мне зачтется.

– За такую малость?

Тот ухмыльнулся горько:

– Всяк норовит боднуть, лягнуть, грызнуть, а я доброе слово сказал! Уже будто нездешний.

– Тогда в самом деле зачтется, – согласился Олег.

Улица тянулась ровная, словно строили не как кто хочет, а по уговору с соседями. А то и вовсе князь или городской голова следит за порядком. Башня медленно вырастала, на три-четыре поверха выше княжеского терема, как только тот терпит, на самом верху огорожено деревянным заборчиком, чтобы ночью не свалиться – все колдуны по ночам разгадывают звезды...

Он вышел на площадь, от нее во все стороны улочки, а посреди столб из бревна в три обхвата, золотая шапка, грубо вытесанное злое лицо, тяжелая нижняя челюсть, глаза неведомого бога взглянули остро и подозрительно.

Олег на всякий случай поклонился, вежественным надо быть не только со старшими, но на жертвенный камень внизу бросать ничего не стал, прошел мимо, огибая княжеский терем.

У ворот двое гридней дрались на кольях. Вокруг собралось с десятков зевак, подбадривали, вскрикивали при каждом удачном ударе, а оба парня, молодые и налитые здоровой нерастраченной силой, бились остервенело, люто, рычали и хекали, у одного рубаха сползла с плеча, открыв широкую кровавую ссадину, у другого левая половинка головы была в крови, а ухо распухло.

Олега почти не заметили, только одна молодая женщина окинула его оценивающим взором:

– Ого, какая статья. Из каких голодных краев?

– Из леса, вестимо, – ответил Олег.

Она ухватила его за руку:

– погоди! Чего ты ищешь? Может быть, я смогу помочь?

– Вряд ли, – ответил Олег мирно.

Вокруг взревели, второй нанес еще один мощный удар, плечо вовсе залило кровью, а на острие кола затрепыхался клочок рубашки. Женщина не отрывала взгляда от странного незнакомца.

– Что могут искать, выйдя из леса? Разве что любовь... Тогда ты пришел в нужное место.

Олег осторожно высвободил руку:

– Любовь одна, а подделок под нее – тысячи. Такую любовь я могу купить за полгривны в любой корчме.

За спиной остались вопли, брань, стук дерева по деревянным головам. Потом закричали предостерегающе и возмущенно, кто-то из гридней явно попытался ухватить сложенное у ворот оружие: драться надо честно.

С этой стороны улочка оказалась перегорожена стеной из бревен в два ряда. Из башенок сюда можно метать камни и стрелы, тупичок явно для засады, и Олег, потоптавшись раздосадованно, потащился обратно. Дурак, не сообразил сразу, что если к князю следует подходить только спереди, к волхву – справа, то к колдуну надо заходить обязательно слева. Исключение только женщины, их надо бояться со всех сторон.

Когда снова подошел к воротам, толпа стояла молчаливая, угрюмая. Один из гридней лежал на земле, кровь хлестала изо рта. Второй стоял перед ним на коленях. Олег услышал умоляющий голос:

– Братан, не помирай!.. Только не помирай!.. Я ж нечаянно...

Лицо раненого быстро бледнело, нос уже заострился. Синие губы прошептали:

– Только не говори... родителям, что я... умер. Скажи, что в дальней заморской земле женился...

Брат ахнул:

– Но они потребуют правду! А врать нехорошо...

– Скажи, что взял в жены лучшую из лучших... что она горда и красива, богата и пышна... что ни перед кем не склоняет головы... ни перед каганами, ни перед царями... Это и есть правда...

Олег не был Таргитаем, но и он понял, что умирающий говорил о земле, которую одни называют матерью, другие – невестой, третьи – сестрой, кто-то может придумать и еще что-то, и все будет правдой. Надо будет поразмыслить над этим, что-то в этом есть важное, тайное, скрытое, что может дать ключ к разным доселе недоступным заветам.

С этой стороны к башне вела дорожка прямая, но очень узкая, двум всадникам не разъехаться. Забор по обе стороны из толстых кольев, кое-где чувствуются с той стороны ступени, из-за зубьев можно по головам тех, кто незвано устремится к башне.

«Не так уж тут и мирно», – подумал он. Сама башня из толстых дубовых бревен, небольшая дверь в таких широких полосах металла, что и дерева не видать. То ли колдун не слишком силен, то ли не желает отвлекаться на защиту жилища волшебной, во всем положился на князя да на запоры...

Он насторожился, ибо из башни вышли трое уверенных в себе молодых мужиков, нагловатых, как бывают наглыми холопы только сильных хозяев, которые ни перед кем не гнутся.

Все трое шли плечо в плечо, Олег прижался к забору, но один, самый низкорослый, но толстый, как молодой бычок, все равно притер к кольям, а потом еще и оглянулся:

– Ах, ты еще и пихаться?

– Ребята, – сказал Олег тоскливо, – у вас впереди корчма, там и погуляете. И подеретесь властью. Мне не до того. Пустите...

Двое уже прошли, нетерпеливо оглядывались, а этот, которому покуражиться было невтерпеж, до корчмы еще дойти, заорал ликующе:

– Ах ты ж морда неумытая!.. Лось рогатый!.. Кабан худосочный!.. А ну, снимай свое тряпье!

Олег спросил тихо:

– И что ты с ним будешь делать? Наденешь?

– Ах, – вскрикнул мужик радостно, – он еще и дразнится! Ты дальше пойдешь голым, вот что!

Он выхватил из-за пазухи длинный нож, которым на кухне обычно разделявают рыбу. Движение было быстрым, привычным, даже пригнулся так и развел руки слаженно и ловко, явно уже не раз пугал прохожих.

Двое других нетерпеливо ждали. Олег со злостью смотрел на нож в его руке. Из глубин груди поднималась тяжелая черная злость. Мужика понять можно: всяк недолгоблудит того, кто выше ростом, шире в плечах, а когда можно побить такого, то потом и лебеда покажется сладким мясом, и все болезни пройдут, и даже горбатая спина выпрямится.

Олег все это понимал, но и ему не сто лет, когда понять – значит, простить, сам говорил его учитель Боромир. Он не узнал свой голос, тяжелый и полный ненависти:

– У тебя в руке нож... Ты можешь им ранить.

Тот захохотал:

– Ты прав. Еще как ранить! И я это собираюсь сделать.

Олег сказал сдавленно, глаза его не отрывались от блестящего лезвия:

– Кто собирается ранить другого, должен быть готов к тому, что ему сломают руку с ножом. Ты готов?

Мужик оскалил зубы:

– Ах ты еще шуточки умеешь? Попробуй сломай.

– Скажем, – проговорил Олег медленно, – сломаю... Да, сломаю...

Блеснуло лезвие. Холоп был быстр, очень быстр. Если бы Олег родился не в лесу, а в этом городе, то нож бы вонзился под левое ребро, а длинное узкое лезвие вошло бы в сердце.

Его пальцы перехватили запястье. Он с наслаждением услышал хруст костей. Сдавил без нужды еще, чувствуя, как в ладонь брызнуло мокрым и горячим, перехватил другой рукой, заломил. Холоп выгнулся с криком, побелел, привстал на цыпочки. Пальцы бессильно разжались, нож выпал и звонко ударился о твердую землю.

– Поздно, – процедил Олег с торжеством. – Поздно!

Кость затрещала, острые обломки прорвали белую плоть, края высунулись, быстро наполняясь кровью. Молодой холоп закричал от боли и ужаса, никто никогда не видел, чтобы руку ломали так холодно и спокойно.

Олег перехватил чуть выше, снова треск, кровь брызнула тонкими струйками, а когда отпустил, холоп, шатаясь, попятился, держа сломанную руку на весу, подвывая от ужаса. Кровь хлестала, чвиркала тонкими струйками. На земле оставались кривые красные, быстро темнеющие полосы.

Мужики, что было бросились на помощь, замерли, словно налетели с разбегу на незримую стену. Олег оскалил зубы, оба тут же попятились. Лица их стали бледнее мела. «Черт, что же у меня с лицом?» – успел подумать он, стараясь погасить нелепую и стыдную для мудреца ярость.

– Как хорошо, – сказал он сквозь стиснутые зубы, – что вы не такие... Или такие?

У одного стучали зубы так, что слышно и за забором, а второй пролепетал жалко:

– Нет-нет, не такие!.. Мы две недели без отдыха... не разгибая спин... без бражки и баб... вот хозяин отпустил...

– И я отпускаю, – ответил Олег.

Он отвернулся, постучал в массивную дверь. Слышно было, как искалеченного подхватили, бегом не то унесли, не то уволокли. Крики и причитания удалились и стихли. Он прислушался, постучал снова. Когда не ответили, начал настойчиво колотить ногой. Звуки были глухие, тут же гасли, тонули в толстых бревнах.

Он чувствовал, как, все еще не остыв от нелепой стычки, снова начинает злиться. Должны бы заметить, иначе как приходят зеленщики, молочники? В такой башне колдун не один! Он уже ругался в голос, когда наконец с той стороны послышались размеренные шаги. Кто-то неспешно топал подкованными сапогами по каменным плитам.

С той стороны двери прорычал такой грубый голос, что Олег сразу, как наяву, увидел поперек себя шире мордоворота, в кожаной шапке, кожаных доспехах и в портках из толстой бычьей кожи.

– Кто там?

– Странник, – ответил Олег смиренно.

– Пшел вон.

Слышны были удаляющиеся шаги. Олег постучал снова. Не ответили, он стал бить кулаком, а потом уже ногами. Дверь затряслась, металлические скобы жалобно звенели. Она прогнулась, толстые шляпки начали выдвигаться, словно грибы после теплого дождика. Наконец снова послышались неторопливые шаги очень уверенного человека. Тот же грубый голос проревел раздраженно:

– Кто там колотится?

– Странник, – ответил Олег, – я хочу пообщаться с хозяином.

За дверью рык стал громче, грубый голос проревел со злобой:

– погоди, сейчас открою. Сам пообщаюсь...

Звонко звякнули запоры, настоящий металл, потом загремел второй засов. Дверь со скрипом пошла в сторону. За порогом стоял грузный мужик. Голова вросла в широкие плечи, грудь как дубовая колода, живот ниже колен. Свинячьи глазки вытаращились на исхудавшего молодого парня с голодными печальными глазами.

– Ты еще здесь?

– Ты вышел пообщаться, – напомнил Олег. – Общайся, а затем я хотел бы с хозяином...

Мужик взревел, схватил наглеца за края волчовки. Олег не двигался, мускулистая рука напряглась. Мужик покраснел от натуги, затем кулак левой руки метнулся в лицо Олега.

– Это ты зря, – сказал Олег.

Он качнулся вбок, а его правый кулак погрузился в огромный живот так глубоко, что зашиб костяшки о позвоночник. Мужик тяжелой грудой рухнул под ноги. Олег с натугой поднял, поставил на ноги, дал пинка. Мужик кубарем влетел в полутемные сени. Олег захлопнул за собой дверь:

– Где хозяин?

Опозоренный страж, распростертый на полу в луже своих кровавых соплей, прошепелявил разбитым ртом:

– Я... сейчас... сейчас, господин... позову...

– Лежи, – разрешил Олег. – Я сам найду.

Переступив через копошащееся, он замедленно вступил в сени, роскошные, увешанные коврами и головами убитых зверей. Не давая глазам привыкнуть, толкнул единственную дверь.

Дальше было огромное круглое помещение, а в самой середине ввысь уходил гладко отесанный столб, а вокруг вилась лестница без перил, шириной всего в сажень. Олег видел только нижних три кольца, а сколько еще, чтобы добраться до вершины...

Он еще стоял, задрал голову, когда из полумрака выступили двое рослых мужчин. Один еще что-то жевал, на мокрых усах блестели капли бараньего жира. Оба одновременно ухватили его за плечи, но Олег тряхнул, а когда руки потянулись снова, ткнул одного кулаком, а другого локтем.

Он за спиной слышал сиплое дыхание одного, второй еще не мог набрать в грудь воздуха, ползал, пытаясь встать хотя бы на колени. Впереди приближался этот чудовищный столб с жуткой лестницей-змеей, покачивался из стороны в сторону, а когда Олег почувствовал под подошвой сапога первую ступеньку, ощутил, как по ней сползают странные запахи и ароматы диковинных трав.

Только теперь различил, что в темной половине помещения стоит сизый туман, в нем плавают плотные струи дыма. В глубине двигаются полуголые фигуры, а когда всмотрелся, глаза различили троих мужчин, что мерно тыкали медными пестиками в широких ступах.

Все трое раскрыли рты. Олег спросил вежливо:

– Хозяин наверху?

Двое смотрели, все так же вытаращив глаза и с отвисшими челюстями, а третий проговорил неверным голосом:

– Раз уж как-то сумел сюда войти... то хозяин там... наблюдает полет птиц. А если сейчас ночь, то звезды.

– Еще не ночь, – ответил Олег, – но у меня уже в глазах темно.

Ступенька затрещала под его сапогом. Поколебавшись, сделал шаг, потом еще, постоял, стараясь не смотреть вниз, хотя поднялся в самом деле пока что на высоту сапога. Судя по этим деревяшкам, колдун мал и сух, но колдунам могучие горы мышц вроде бы ни к чему.

Ступеньки слегка поскрипывали, негромко, и в другое время Олег бы сказал, что домашнему. На полдороге он ощутил сильнейшее желание вернуться, даже замедлил шаг, стало стыдно, что вломился грубо, Мраку под стать, но Мрак в волхвы не ломится. В то же время мир настолько погряз в дерьме, что надо перестраивать его немедленно, даже волхву можно немножко... грубовато, мир таков, и он заставил ноги переступать со ступеньки на ступеньку.

Винтовая лестница вела все выше, он уж начал смутно удивляться, как же далеко забрался колдун, если с улицы башня не выше пятого поверха. Наконец за следующим поворотом показался потолок, что перекрыл дорогу, а ступеньки упирались в медную ляду. Блеск показался Олегу зловещим, он даже глаза прищурил. Острые лучики от крупных камней, вряд ли ценных, кололи глазные яблоки под опущенными веками.

Нахмурившись, он быстро одолел последние ступеньки. Крышка лежала в пазах плотно. Он постучал, выждал, постучал снова, а затем пригнулся и ударил плечом. Медная плита загу-

дела, словно в огромный медный котел ударили тараном. В ушах зазвенело, он скривился, хотел ударить снова, но ляда откинулась в сторону с неприличной поспешностью корзиночной крышки.

Олег как можно быстрее выпрыгнул наверх, а тяжелая медь со зловещим лязгом грохнулась на место. Незримые руки с грохотом задвинули широкий металлический засов в толстые скобы.

Глава 4

Перед ним в странном полумраке расстилалась широкая круглая комната. Зато из зарешеченных окон свет бил ослепляюще яркий, словно солнце находилось сразу со всех сторон башни... только лучи почему-то гасли, странно обрываясь на уровне окон, словно неведомая сила обрезала их, как острым ножом ссекают золотые пшеничные колосья.

Посреди комнаты громадился широкий приземистый стол, зеленоватый, словно вырезанный из малахита. По ту сторону стоял, опершись кулаками о столешницу, высокий худой старик. Волосы его пылали огнем, а когда открыл рот, оттуда вырвались красные языки пламени:

– Кто ты, вторгшийся в мой дом?

На Олега пахнуло жаром. Воздух быстро пропитывался запахом горелой шерсти. Фигура хозяина стала крупнее, красные полосы забегали по всему телу, расцвели халат и волосы, что уже встали дыбом. Глубокие старческие морщины стали резче.

Олег поклонился, чувствуя вину, сказал покаянно:

– Прости, но твои слуги...

– Где они? Почему впустили?

– Они не хотели впускать, – ответил Олег, чувствуя необходимость защитить несчастных от хозяйского гнева. – Но останавливали.

Его зеленые глаза смотрели кротко, но он не мигал, не пятился, и красные языки пламени медленно исчезли, а вздыбленные волосы колдуна легли на место. По ту сторону стоял совсем не такой гигант, каким показался в первый миг. Лицо желтое, болезненное, морщины настолько глубокие, что дна не видать, беззубый рот собрался в жемок, как у старухи.

– Останавливали? – переспросил он с недоверием. – Гм... Что нужно доблестному воину в моем скромном доме?

Олег поклонился еще ниже:

– Прости еще раз, но я не воин.

Глаза колдуна расширились, даже выдвинулись из пещер.

– А кто же?

– Волхв, – ответил Олег тихо. – Ищу Истину.

Колдун отшатнулся. Брови взлетели вверх, а глаза выдвинулись, как у рака.

– Не воин? С такими кулаками?

Олег посмотрел на свои огромные ладони, сжал и разжал пальцы. Красный свет заката играл на его исхудавших плечах, но все еще круглых, как обкатанные морской волной валуны. Красные волосы закрывали шею, уже не толстую, как ствол дуба, а словно бы сплетенную из толстых жил, а сам он явно выглядит одним из тех дураков, что с мечом в руке ищут Змеев, клады, супротивников.

– Этими руками я столько собрал трав...

Даже голос был сильный, способный перекрывать шум битв, ржание обезумевших коней, крики раненых, стоны и ругань, лязг железа. Колдун с изумлением оглядел его могучую фигуру. Этот человек явно рожден не в роскошной палате, спал не на подушках, а из тяжестей поднимал и побольше ложки.

– Если ты не воин, – сказал он с сомнением, – то я не понимаю... разве что какие-то скрытые болезни? Ты чем страдаешь? Падучей? Корчами?

– Поисками истины, – ответил Олег печально. – Я пришел как младший к старшему, который поймет, приютит, поможет, научит, покажет. У меня есть дар к волшебю, как у одного моего друга дар к пению, у другого – драться... Но я хочу, чтобы шло не во вред, я хочу служить людям, а не хапать себе, я хочу понять мир быстро и сразу, а не тратить на это всю жизнь!

Колдун пристально посмотрел в суровое лицо красноволосого незнакомца. Да, он угадал: это воин. Только замахнулся на большее, чем махание мечом и захватывание царств и королевств. На гораздо большее...

– Я не понимаю, как ты сумел пройти, – сказал он наконец, – но раз уж прошел... будь гостем. Меня зовут Россоха, я здешний волхв. Но не на службе, вольный. А кто ты?

– Тоже волхв, – ответил Олег. – И тоже вольный, только мало что умеющий. Зовут меня Олегом, я простой человек из дикого дремучего Леса...

Колдун со странным именем Россоха повел сухой рукой:

– Садись, расскажи о себе.

Олег не успел шелохнуться, как посреди помещения возник стол, шелестнула, расстилаясь, белая скатерть, тихо звякнула серебряная ваза с роскошными цветами, высокая и гордая, а рядом, как ее подданные, встали широкие блюда, наполненные такими горками фруктов, что спелые сочные груши скатывались на скатерть.

Два широких кресла возникли у стола, Олег осторожно сел, сперва на всякий случай попробовав его на крепость. Колдун опустился напротив. Глаза смеялись, этот воин, жаждущий стать магом, явно не знает даже начал магии, ибо всяк сперва учится добывать колдовством себе пищу, затем одежду и оружие, а уж потом учится более отстраненному от первых потребностей.

– Богато, – сказал Олег тоскливо, – но что в богатстве? За деньги друзей не купишь.

– Друзей не купишь, – согласился колдун с таким странным именем, – зато врагов можно выбрать попримечнее.

Это было что-то новое, Олег сделал зарубку в памяти о некоторой пользе богатства.

Он не знал, почему подробно рассказал о жизни в Лесу и совсем пропустил это страшное лето, когда каганат, маги и даже боги... Показалось диким, что удалось столько пройти и такое свершить, кто поверит, засмеют, не бить же всех по головам... Теперь самому уже не кажутся дикими злые слова Мрака, что умные да мудрые сопят на печи, а миром шевелят совсем другие люди! Беспокойные, скажем так. И не обязательно наделенные умом или совестью.

– Я не хочу, чтобы миром двигали, – сказал он медленно, – те люди, которые им движут сейчас...

– Ого! А что ты хочешь?

– Чтобы миром двигали мудрые.

Колдун долго выбирал грушу, хотя все и так желтые, как липовый мед, налитые соком, просвечивают, можно пересчитать зерна. Надкусил, сок брызнул широкими струями, но испарился, не коснувшись ни пола, ни одежды.

Олег, не дождавшись ответа, медленно брал груши, подносил к губам, они исчезали во рту, оставляя озера сладкого душистого сока, мягкую кожу и несколько зерен, брал вторую, третью, чувствовал, что может опустошить весь стол, зачарованный такой роскошью.

В помещении была странная прохлада и полумрак, пахло травами, березовым соком. Яркое солнце, что стояло прямо за окнами со всех сторон, все еще не слепило, Олег чувствовал, как истощавшее тело начинает наполняться как жизненными соками, так и чем-то иным, едва ощутимым, словно черпает силы прямо из этой блистающей бездны.

– Ты странный отрок, – сказал наконец старик. – Годами юн, но говоришь как умудренный жизнью муж, много повидавший и много испытавший... Да, миром правят не те, кто мудр, а кто силен и дерзок. Но нет на свете такой магии, чтобы мудрого сделать сильным и дерзким.

В голосе Олега впервые прорвалось жадное нетерпение:

– Научи меня тому, что знаешь!

Колдун неспешно доел грушу, но Олег видел, что мозг старика работает быстрее, чем его неспешные челюсти.

– Учить можно любого, – ответил колдун медленно. – Но годы пройдут, прежде чем научится сдвигать хотя бы щепочку. Лучше учить того, кто предрасположен... в ком есть дар к волшебю, как у другого – к пению.

Олег сказал горячо:

– У меня это есть! Я только не знаю, как им пользоваться.

Россоха встал, жестом пригласил юного героя, пожелавшего стать волхвом, идти за ним. В правом углу хмуро поблескивало зеркало из толстого металла, серого и угрюмого, словно отлитого из меди, олова и свинца.

Колдун подвигал губами, напрягся так, что вздулись синие жилы на висках, вскинул руки, по комнате пронесся неслышный вихрь. Олег чувствовал, как зашевелились его волосы, внезапно появилось ощущение, что кто-то стоит за спиной.

– Взгляни вот в это зеркало... – проговорил колдун напряженным голосом. – Что зришь?

К удивлению Олега, теперь в полированном металле отражалась не противоположная стена, а далекие горы. Когда Олег приблизился, вместо своей удивленной рожи увидел серый рассвет, перевал, затянутый легким туманом, а вдоль каменной стены двигались четыре человеческие фигурки, сгибаясь под огромными заплечными мешками.

За спиной Олега раздался голос колдуна:

– Это разбойники. Только что ограбили и убили богатого торговца, а с ним и его слуг. Сейчас уходят от погони через перевал в Куявию. Впереди вожак, видишь?

Присмотревшись, Олег заметил, что передний ступает увереннее, в движениях чувствуется властность, привычка повелевать.

– Заметно...

– По всем человеческим законам, – сказал колдун, – его надо бы наказать. Зуб за зуб, смерть за смерть. Ты смог бы его... скажем... умертвить?

Олег кивнул:

– Смог бы.

– Вот и хорошо, – одобрил колдун, но в его тоне звучало сомнение. – Он в самом деле натворил столько бед, что всяк имеет право очистить землю от этого негодяя...

Он прошептал несколько слов, щелкнул пальцами. Олег чувствовал, что колдун произносит еще и заклятия, но уже неслышно, чтобы гость не подслушал и не перехватил. Затем сухо щелкнули пальцы, и заметно побледневший колдун, словно из него выпустили кувшин крови, кивнул на зеркало:

– Смотри!

Четверо двигались все так же ровной цепочкой, затем ноги переднего стали заплетаться. Он остановился, загнул руку за спину, явно пытаясь сбросить тяжелый мешок. Ноги подломились, он упал сперва на колени, затем лицом вниз. Трое подбежали, перевернули на спину.

Олег вздрогнул, когда над ухом раздался насмешливый, но очень усталый голос Россохи:

– Он сейчас умрет.

– Как ты это сделал? – воскликнул Олег пораженно.

– Повернул в его теле потоки крови. От головы к сердцу. И от ног. Волны сшиблись, а сердце не из железа... Он еще жив. В городе, где искусные лекари, его могли бы спасти.

Олег не отрывал взгляда от четырех фигурок. Уши горели, он чувствовал на себе насмешливый взгляд колдуна. Да, это милосердно по отношению к троим оставшимся. Без вожака они могут опомниться и вернуться к мирной жизни, пахать землю и сеять хлеб, а если бы Россоха поручил уничтожить вожака ему, то он разверз бы под ними каменную плиту, а то и обрушил бы на них скалу, где погибли бы ни в чем не повинные горные зайцы, что торговца не грабили, а также муравьи, бабочки...

– Я бы так не мог, – признался он виновато.

Когда оторвался от зеркала, перехватил взгляд колдуна, обращенный на его огромные кулаки. Россоха отвернулся, но Олег видел, что старик не так его понял.

На столе груш и диковинных желтых яблок стало еще больше, но теперь Олег жевал без охоты. Умоляющие и преданные, как у пса, глаза не отрывались от колдуна. А Россоха поспешно насыщался, все еще бледный, выплеснув столько магии, молодого парня рассматривал с сомнением:

– Что-то не так...

– Что? – переспросил Олег тоскливо. – Что не так? Что дивного, когда человек стремится стать колдуном?

– Все, – ответил Россоха лаконично. – Все! Колдунов боятся и ненавидят. Но еще дивнее, когда колдуном стремится стать вот такой... гм... с такой статью. Обычно в колдуны идут увечные, больные. Которым в жизни места уже нет, а сила еще есть. Не в мышцах, так в голове.

– Но и у меня в голове, – возразил Олег. Поправился: – Хочу, чтобы в голове!

– Гм... С такими мышцами, таким ростом, такой статью... В чем твоя болезнь? Пусть скрытая, но без нее не обойтись. Не мог же ты восхотеть стать колдуном просто так! Силачи в колдуны не идут.

Олег поник, признался хриплым голосом:

– Тебе откроюсь в самом стыдном для мужчины. Я – трус. Редкостный... Я не просто боюсь, меня покрывает липким потом, внутри все холодеет, руки трясутся, будто курей крал, а ноги уже не ноги, а две гнилые колоды!.. Другие сородичи... в бой как на пир. Ломятся, как к столу с вином, глаза полны восторга, морды сияют, каждого прямо распирает, драка рвется изнутри! А я хоть и знаю, что должен чувствовать... э-э... упоение в бою и бездны мрачной на краю... но трясусь и слабею все больше. Будь я калекой или хилым, то еще понятно, хотя у нас и хилые не просто прут в драку, а прямо летят навстречу брани, забыв даже про сытный обед... Я же здоров, особенно среди этого люда! В Лесу я не казался здоровым. Все равно не могу заставить себя драться даже с этими... не шибко крупными! Хоть человечек и мелок... а может, как раз потому, он может пырнуть ножом в бок, швырнуть камень в спину, а если еще и по затылку... Бр-р!.. Ты видишь, я уже побледнел, а я ж только подумал!

Кровь в самом деле отлила от лица, Олег ощутил холодок, все тепло разом ушло вовнутрь, оставив кожу холодной, чтобы в случае раны кровь почти не текла, береглась, спешно зашивая поврежденное мясо...

Колдун проронил с сочувствием, но Олег видел, что старик отводит взор, словно брезгует видеть труса в таком здоровенном парняге:

– Зато на тебе раны заживают быстрее, чем на собаке.

– Да я их не получаю! – воскликнул Олег.

Колдун оглядел его с ног до головы с новым интересом:

– Как же тебе удастся? Ты, судя по всему, прошел немало. А не бывает, чтобы пройти и не подрагаться. Даже труса бьют. Может быть, даже чаще. И злее.

Олег развел руками:

– От своей трусости я творю черт-те что... Мрак бы просто вышиб пару зубов у дурака... был у меня такой друг, а я со страху – всю челюсть. А то и голову, как чашку со стола... Сколько хороших людей зашиб! Они ж только по пьянке покуражиться хотят, перед своими девками себя показать... Пару раз бы дали по шее, только и делов. Ну, кровоподтек под глазом, а то рубаху бы порвали, вот и все. А из-за моей трусости то в одном селе, через которое шел, пара увечных прибавилась, то в другом – пара могил!.. Все понимаю, но до свинячьего визга боюсь, когда вижу чужие кулаки! Просто не могу, чтобы меня били.

Колдун слушал, кивал, глаза из насмешливых стали грустными, понимающими. Олег с холодком видел, что от его трусости у Россохи лечения нет. И колдун, словно видя его понимание, сказал сочувственно:

– Да, это не та трусость, которую можно истравить травами или заклятиями. Это внутри тебя... Это заложено самим Родом...

– Зачем? – воскликнул Олег горестно.

– Чтобы охранить.

– Что?

– Ценности.

Олег удивился, оглядел себя, даже похлопал по бокам:

– Где же эти ценности?

– Раз твоя натура бережет твое тело, – сказал Россоха значительно, – то они внутри. Что это – не ведаю. Значит, ты призван свершить нечто. Для того и рожден, чтобы свершить! А когда свершишь, то и бояться перестанешь! Как свершивший, как исполнивший. Как выложивший на свет то, что в тебя вложили при рождении. Другие храбрые только потому, что рождены лишь драться, защищать рубежи, быстро наплодить детей, дабы те тоже дрались и защищали кордоны. А ты предназначен для чего-то. И чтобы сдуру не погиб в пьяной драке из-за сельской девки или даже из-за мешка золота, Род вложил в тебя страх!.. Тебя будет трясти, пока ты не свершишь...

Олег слушал жадно. Из глубины души вырвалось:

– Значит, когда я свершу, страх меня отпустит?

– Но вряд ли раньше, – сказал колдун сочувствующе.

Кровь бросилась в голову, Олег не мог усидеть, вскочил, вскрикнул:

– Но что? Что от меня требуется?..

Росоха развел руками. Стоит ли говорить этому несчастному, что Род, возможно, ничего и не требовал. Просто, создавая удачных человечиков, он, желая продлить им жизнь, наделял страхом, чтобы те избегали драк. А эти, удачные, взматерев и набравшись мудрости, на то они и удачные, в самом деле могут что-то свершить заметное для всего рода человеческого, ведь Род не делит людей на куявов, артан или славов, он вообще может не отличать их даже от жителей Песков, все – его дети! И тогда страх уйдет, ибо человек свое творение ценит выше себя самого, он перестает беречь себя, если сумел создать то, что переживет его и во что уже вложил душу. Чего так уж трястись за тело, если душа только что обрела бессмертие в новом учении, новом способе седлать коней, если приручил, скажем, рыб, как раньше другой такой же особо ценный приручил коров и передал это знание всем людям?

Глава 5

Небо медленно темнело. Серп луны, что уже давно бледнел клочком облачка, начал наливать металлическим блеском. Проступили первые звезды, а вместо исчезнувших птиц замечались летучие мыши.

Воздух посвежел, колдун все еще смотрел с любопытством, но Олег чувствовал, что скоро старик потеряет к нему интерес, тогда прощай все надежды научиться волшебству быстро, за один-два дня.

Россоха словно познал его мысли, сказал вдруг:

– Скажу честно... я не стану тебя учить.

– Почему? – вырвалось у Олега.

Россоха поинтересовался с иронией:

– Тебе ведь надо правду?

– Только правду, – заверил Олег. – Какой бы горькой она ни была.

Колдун скривил губы в усмешке:

– Когда так говорят, то ждут только похвал себе любимому, красивому, умному, замечательному... Ладно, вот тебе правда. Когда колдун набирает учеников, то он вовсе не думает передавать им знания. По крайней мере, сразу. Еще бы! Он годами, десятками лет изнурял себя, докапывался, добивался, столько прошел ложных дорог, от каких соблазнов отказался, а им подай на золотом блюде?.. И вот ученики толкут понятные только самому колдуну смеси, пасут для него скот, носят воду, топят печь, убирают по дому, готовят еду, а он в промежутках роняет им по капле зерна своей мудрости. Мол, до серьезного дела еще не дозрели... Это верно, но только отчасти. Это устраивает и учеников...

– Почему?

– А им больше нравится быть в подмастерьях, когда ни за что не отвечаешь, чем выходить на свою дорогу. Их привели родители, чтобы куда-то пристроить лишние рты. И эти дети сами стараются задержаться в учениках как можно дольше.

Олег пробормотал:

– Все равно не понимаю.

– Ты из другого теста, – сказал колдун снисходительно. – Потому не захочешь быть как все, а я, понятно, не хочу выучить за год тому, на что потратил всю жизнь. За обучение надо платить, а чем можешь заплатить?.. Да и бесполезно это все... – Его высокое чело внезапно омрачилось, а голос стал невеселым: – Война все равно все сметет.

Олег насторожился:

– Здесь ожидают войну?

– Завтра к вечеру вспыхнет, – подтвердил колдун. – Но на ночь сражений не начинают, бойня будет на рассвете.

Олег стиснул зубы: война нарушает все планы.

– Кто воюет и с кем?

– Если бы кто-то с кем...

– А как?

– На рассвете вспыхнет страшная кровопролитная война всех против всех. Три года не было войны, подумать только!.. Говорят, Перун вроде бы получил где-то рану, залечивал, потому не до войн было... За три года каких только глупостей не творили, как только князья и цари не ссорились, а войн так и не вспыхнуло!.. А вот теперь все отольется. Накопилось, собралось, теперь все дамбы прорвет, все плотины и запруды сметет.

Олег стиснул зубы. В ушах заскрежетало, будто жернова разламывали булыжник. В груди кольнуло.

– Неужели, – прошептали его губы, – это так неизбежно?..

Россоха сказал угрюмо, Олег уловил боль и тревогу старого колдуна:

– Беда не в самой великой войне... Войны всегда были. И будут. Но эта не просто пройдет по моей земле... Э-э-э... по земле княжества, в котором живу и за которое волей-неволей отвечаю. Здесь пройдут самые кровавые битвы! Сюда будут поочередно спускаться с гор то одна армия, то другая, приходить из лесов Славии, прилетать на Змеях... Поля вытопчут, села и города сожгут, а люд истребят. Мне вроде бы что, я – колдун, могу перенестись хоть в горы, хоть в леса, но я сжился с этим народом, это мой народ!.. Не только князь отвечает за него, но и я отвечаю, хотя князь и не знает о моей подлинной мощи... Я для него так, развлекатель... Да, я не хочу, чтобы чужие войска прошли через мою опустошенную страну! Это моя страна!.. Но... милый мой юноша, нельзя ни войну предотвратить, ни других колдунов остановить. Ведь за каждой армией стоит могучий колдун! Ведет армию князь, но победу незримо обеспечивает колдун. Остановить его может только другой колдун...

Олег спросил жадно:

– А ты не сможешь разве?

– Одного могу, – ответил Россоха скупно. – Даже двух, ибо на родной земле стены помогают. Но против пяти или десятка кто сможет? Правда, каждый стоит за своим племенем, можно бы поодиночке, но, истощив силы против первых, я не смогу остановить войска других... Войска уже идут на ратные поля. Короткая ночь, а затем сшибутся... Кто победит, погонится по пятам, убивая в спину, сдирая одежды, затем ворвется в города, предаст огню, спалит дома и библиотеки, вырубит виноградники, засыплет колодцы или завалит их трупами...

Олег вскрикнул со злостью и отчаянием:

– И опять по всем землям горящие руины?.. Выжженные поля?.. Тучи воронья, что обожрались так, что уже летать не могут?

В запавших старческих глазах была насмешка.

– Если ты волхв, что тебя так беспокоит благополучие этих жалких людишек?

Олег огрызнулся:

– Плевать мне на их благосостояние, как и на них самих!.. Но других людей на свете нет. Надо этих научить жить так, чтобы стали вровень с богами. А как учить, когда они воют над трупами близких, над сожженным хлебом? А потом все их мысли будут только о том, чтобы отстроить дома, возвести новую стену вокруг места, где построят град... Если, конечно, будет кому строить. Война всякий раз отбрасывает нас, людей, назад и каждый раз приходится проходить уже ранее пройденное заново! А там не успеешь сделать новый шаг, как опять война!.. Нет, я противник любой войны.

Россоха пожал плечами:

– Конечно, войны умным ни к чему. Но войны начинают не короли и даже не маги.

– Знаю, – проговорил Олег с тоской, – дело рук богов... Но Перун, я верю, в самом деле был ранен. Правда, прошли годы... Неужели снова...

Россоха покачал головой:

– Раны бога войны заживают ровно в полночь того же дня. Я не думаю, что остаются даже шрамы. Так что война неизбежна.

– И никто не скажет, как предотвратить? К примеру, другие колдуны?

Колдун возразил:

– Откуда я знаю, что думают или что ведают другие колдуны? Чародеи редко встречаются. Почти не дружат. И никогда не вступают в браки. Друг с другом, естественно.

Олег отшатнулся, будто получил дубиной по лбу. В ушах зазвенело.

– Ничего не понимаю... Я думал, общность душ, интересов... Разве колдуну интересно с поселянкой? Не о чем поговорить, подумать, поломать головы...

Старик горько рассмеялся:

– Какой ты все еще ребенок!.. Любой колдун – это всего лишь человек, который умеет приводить в движение силы, неподвластные поселянину. Или королю, неважно. Король – это тот же поселянин, которому подчиняются, кроме жены и детей, еще и другие люди. А в остальном это тот же человек, который страшится умной женщины, ибо та сразу раскусит его бахвальство, увидит его истинную цену. А поселянка любую глупость выслушает с раскрытым ртом и все время будет повторять восторженно: «Какой ты умный!» Так что колдуны общаться не станут. Они такие же... да я тоже таков.

Олег пробормотал подавленно:

– Это мне кажется... странным.

Старик грустно улыбнулся:

– Я уже сказал, самые лучшие мужья – это поселяне. А лучшие жены – селянки. У них мирный, спокойный характер, как у коров, которых они пасут. Горожане и то сварливее... А уж у колдунов вовсе горячий характер! Но так и должно быть, иначе бы не стали колдунами. Но если поселянин всего лишь обругает жену за неплотно притворенную дверь, то ссора между колдунами... да-да, из-за той же плохо прикрытой двери... мол, в спину дует, может вызвать гром среди ясного неба, падеж скота на соседних улицах, а то и поджечь дом...

Он умолк, в выцветших от старости глазах были грусть и сожаление о потерянном в молодости.

– Да, – согласился Олег нехотя, – да, нам лучше быть осторожнее...

После паузы старик сказал тихо:

– Подумай. Ты отказываешься от человеческих радостей. Ну, их так называют, хотя на самом деле это вообще-то чисто скотские радости... ну, радость от обильной еды, от семейной жизни, выращивания птенцов... это любое животное делает. Однако это настолько мощные радости, что даже маги иной раз... Конечно, ты будешь общаться с женщинами, и потомства у тебя может быть больше, чем у любого царя с его сотнями жен... но будешь ли ты сам знать в своих странствиях о твоём семени, что возшло?

Он говорил и говорил, слова журчали, как вода слабого ручейка. Олег стискивал челюсти, терпеливо ждал, когда же старик выговорится. Тот не знает всей мощи снedaющего его желания как раз подавить эти так называемые чисто человеческие радости, чтобы приобщиться к более высоким радостям, недоступным простым поселянам, а доступным... наверное, доступным мудрецам и богам.

Конечно, и боги разные, он только что расстался с одним, но должны же быть на свете и умные?

– Не знаю, – сказал Олег уже с неуверенностью. – Все-таки я хочу быть колдуном. Знающим!

Россоха сказал доброжелательно:

– В тебя будут бросать камнями даже хорошие и честные люди. Да-да, для которых расшибаешься! Не проще ли избрать в жизни цели попроще? Заявить, к примеру, что хочешь захватить власть в этом городе и стать князем? А то и объявить себя сразу царем, королем или каганом?.. Это все поймут, даже отыщутся сорвиголовы, что примкнут. Кто из желания пограбить, а то и в самом деле дабы плохого царя сменить хорошим. Так сказать, понятный всем путь меча!

– Путь меча понятен всем, – пробормотал Олег упрямо. – Но я вовсе не стремлюсь, чтобы меня понимали даже деревенские дурачки! Достаточно, если поймут умные. Их меньше, зато...

– Не поймут, – отрезал колдун. Он все чаще оглядывался на сияющие окна, а в комнате полумрак сгущался и сгущался. – Я знаю колдунов. Как здесь, в Артании, так и в далекой Куявии... и даже в странной и таинственной Славии!

– А в Песках? – спросил Олег.

Колдун переспросил непонимающе:

– Песках?

– Ну да. Колдуны в Песках.

Брови колдуна двигались, на лбу собирались морщинки, углублялись, выдавая работу мысли, наконец после долгого раздумья он спросил непонимающе:

– Что скрываешь под этим словом?

– Пески, – повторил Олег беспомощно. – Страну, где ветер наметает горы из песка! Этих гор бесчисленное множество, вся страна из песка. Они идут за виднокрай, а если лететь на ковре-самолете сутками, и тогда не узришь конца-края, а если же на верблюде...

– А что такое верблюд? – спросил колдун подозрительно.

Олег умолк, только разевал рот, как рыба на берегу. Трудно объяснить, что есть еще страны, совсем не похожие, дивные и странные, и совсем трудно, если объясняет молодой старому и умудренному, который заранее не верит, сомневается, даже отказывается верить.

– Я там был, – ответил он беспомощно. – Они... они существуют! Может быть, те колдуны как-то могут помочь, остановить эти войны? Кто может ответить?

Колдун, похоже, совсем потерял интерес к разговору с молодым волхвом, что не смотрит в рот восторженно, склоняясь перед его мудростью, а сам, оказывается, где-то был, что-то видел, а это ущемляет самолюбие даже немолодого колдуна, ибо мудрец тоже человек...

– Кто может ответить? – Колдун задумался, внезапно засмеялся: – Разве что тот, кто первым пришел сюда из неведомого края... От него пошел весь род людской. Так говорят старики, так говорят местные мудрецы.

– А что говоришь ты?

Колдун развел руками:

– Они правы. Весь здешний род людской пошел от этого человека... если он человек. Когда-то давно он ушел в горы, и с тех пор его не видели. Говорят, удалился в пещеру, а вход задвинул горой... вроде бы она выше всех... Ну, за это время могли подрасти другие, но вершинка той горы в виде шипастой булавы, а таких я еще нигде не встречал...

Он стоял у крохотного окна, почти загораживая спиной. Олег ощутил желание шархнуть по стене Железным Огнем, чтобы открылось новое окно на полстены, сжал кулаки, обуздывая недостойное волхва желание, ответил сквозь сжатые зубы:

– Вижу.

– Ну ладно, я же вижу, что ты подумал. Тебе надо научиться скрывать мысли.

Олег долго всматривался в темную вершину. Зеленые глаза потемнели, в глубине двигались странные тени. Когда он заговорил, голос был ровным, словно зажат в широкие столярные тиски:

– Что задвинуто, то можно и отодвинуть.

Колдун вскинул брови:

– Что ты... говоришь?

– Если, говорю, основание не вросло в землю, – пояснил Олег. Ярость еще пицала и дергалась в глубине существа, но он загнал поглубже, перекрыл выходы, а голос держал ровным и даже холодноватым. – Но там горы... Под той горой тоже каменная плита... Но еще больше я хочу узнать...

Он осекся, ибо взгляд колдуна стал отстраненным, на морщинистом лице появилось не то скучающее выражение, не то он вовсе наконец забыл о юном волхве из дремучего Леса, которому уделил времени чересчур много...

Затем Россоха небрежно двинул бровью, и Олег ощутил на плечах огромные могучие ладони, теплые, даже мягкие, но все же ладони великана.

– Иди своей дорогой, – донесся голос колдуна.

Могучие ладони приподняли Олега, подошвы оторвались от пола. Колдун вернулся к столу, что-то бурчал, рылся в глиняных табличках, о нелепом госте забыл как-то сразу.

– Что ты...

Слова застыли на губах Олега. Перед глазами возникла коричневая стена со странными линиями. Дыхание вырвалось из груди, сжало сильнее, он напряг все мышцы, с ужасом внезапно поняв, что странные линии не что иное, как канавки и линии на огромных ладонях!

На миг в глазах потемнело, тут же лицо опухло свежим ветром. Подошвы уперлись в землю. Потрясенный, едва дыша от страха, он стоял под звездным небом за пару верст от городской стены! Слева темнеет страшноватая стена леса, в небе холодно и зловеще блестит огромный оранжевый серп, а высоко в небе быстро тают, стремительно удаляясь, огромные ладони.

Его тряхнуло, по всему телу осыпало морозом. Уже не страх, а запоздалый ужас вгрызся во внутренности. Колдун мог этими ладонями раздавить его как мошку.

– Что я за недотепа? – вырвалось из глубины души. – Видно же, что этот Россоха не чародей и не волшебник, даже колдун-то не из великих! Иначе зачем ему город, слуги? А умеет то, что даже не осмыслю...

Самое время отступить, мелькнула мысль. Но тогда так и жить в страхе... Не потому ли Род сделал его трусом, чтобы покончил с войнами? Ведь без войн пропадет повод для страха. Если никто не будет убивать...

– Если миром начнут править колдуны, – сказал он вслух, стараясь выговорить слова как можно четче, чтобы услышать и закрепить в голове, – если перестанут воевать...

Отвратительный скрип перешиб мысль пополам, как ударом кнута перебивают на две части молодого ужа. По лунной дороге в город тащились две телеги. Одна с кучей глиняных горшков, другую едва видно под копной сена. Возницы дремали под солнцем мертвяков и упырей и, судя по их виду, не ломали головы над вопросом, кто миром правит на самом деле, кто должен и кто не должен сидеть наверху.

Его не заметили, но он все же отступил в черноту, дождался, когда минуют вовсе, произнес заклятие вихря, зажмурился, ибо ветер, кружась, начал бросать в лицо всякий сор, прошлогодние листья, старые перья, стукнул по лбу полуистлевшей костью.

По телу пробежал озноб. Внутри застыло, словно внутренности превратились в глыбы льда. Он чувствовал, как страшный вихрь высасывает жизненные силы, в глазах потемнело. Челюсти стиснулись до боли в висках, он заставил себя смотреть сквозь стену быстро несущегося по кругу ветра.

Незримые руки сдавили, из груди вырвался болезненный хрип. Одежду бешено рвали струи плотного воздуха, больше похожие на водоворот. Кровь то прилиwała к голове, то уходила вместе с душой в пятки. Мутные стенки посветлели, засинели, и он скорее ощутил, чем рассмотрел, что его несет высоко в черном небе, потом оно непостижимо быстро начало светлеть, на востоке заалело, мимо начали проскакивать серые размытые комья уток, жаворонки, орлы, а однажды в полупрозрачную стену шмякнуло, как мокрым комом глины, мгновенно залило красным, тут же бешеный ветер молниеносно смахнул. А внизу уже поплыли белые заснеженные вершины, Олег хрипел, голова трещала, череп разламывало то изнутри, то сжало со всех сторон.

Почти теряя сознание, он направил вихрь по дуге вниз. Горы выросли, помчались быстрее, а когда опустился на уровень вершин, они начали проскакивать, как ветки кустарника при скачке на горячем коне.

Сквозь пот, заливающий глаза, и красную пелену он увидел гору с вершиной в виде шипастой булавы, повел вниз. Затем был удар снизу в подошвы, он рухнул на камни, на миг потерял сознание.

Глава 6

Когда снова ощутил шум в ушах, а во рту соленый вкус, попробовал привстать, но не смог шевельнуть даже пальцем. Заклятие вихря высосало половину сил, а пока вел его в сторону гор, израсходовал остальные. Он чувствовал, что жизни в нем осталось меньше, чем в догорающей лучине, но сил хватило только лежать с открытыми глазами и смотреть в синее холодное небо.

Солнце выдвинулось из-за горы, острые лучи пробежали по его застывшему лицу. Он чувствовал острое покалывание. Тело медленно остывало, ног уже не чувствовал, скоро холод войдет в сердце...

Страх ударил в голову, ломая застывшие льдинки в теле. Острая боль пошла от висков, заломило челюсти. Грудь трещала, словно превратилась в каменную плиту, по которой бьют молотами. В глазах снова потемнело, треск рвущихся жил истончился до комариного писка, оборвался...

Когда услышал свое тело, оно стонало от боли, желудок грыз от голода ребра, но в груди тукало сердце, а ноги и руки сводило от холода.

Каменная стена устояла, когда он уцепился за выступ и сумел поставить себя на ноги. Мир шатался, звуки то исчезали, то вламывались в череп, как орда диких кочевников врывается в тихий город.

Почему-то пытался вспомнить прерванную мысль, еще там, возле города, но как половинки ужа не могут жить ни вместе, ни каждая по себе, так и сейчас в голове было пусто и мертво.

Горы вздымались до небес, огромные и могучие, их страшилось само время. Он ощутил себя настолько крохотным, настолько ничтожным, что душа съежилась в страхе... еще больше, чем который терзал его всю жизнь. И когда уже чувствовал себя мельче жалкого насекомого, когда готов был упасть и уже больше не подниматься – нельзя встать из бездыханного, – в той же трусливой душе разгорелась искорка, вспыхнуло, и через мгновение в груди полыхал такой яростный огонь, что перед глазами встала розовая колышущаяся пелена.

Непонятная ярость жгла изнутри, а кровь вскипела и жгла внутренности. Тело дрожало, жадно вбирая солнечный свет, накапливая... а может, это не солнечный свет, но что-то накапливалось, мышцы твердели, спина выпрямилась, уже стоял твердо, и не просто твердо, а пусть попробуют сшибить с ног...

Горы высились до небес, суровые и вечные. Но в синеве он видел крохотные точки, птицы поднимаются и выше этих вершин, а он умел выше всех известных ему птиц!

И все-таки этот горный хребет великий Род сотворил первым. Это не просто горы, а краеугольный камень, с которого великий Творец начал новый удивительный мир. Не только земля и воды были созданы позже, но и свет от тьмы он отделил позже, уже опираясь на краеугольный камень. Правда, другой краеугольный камень они обнаружили на острове Буяне... Ладно, с этим потом, а сейчас у него другая цель.

Камень Творца превратился в целый горный хребет, возникли глубокие ущелья, отвесные скалы, высокогорные долины, глубокие пещеры. Появились звери, птицы, высоко в горах возникли озера с удивительно чистой водой, а из людей сюда взбирались мудрецы, пожелавшие уединения.

Сейчас он стоял на широкой каменной площадке, до обрыва шагов пять, но когда представил, какая там бездна, язык присох к гортани, а в ушах зазвенели комары. Ноги сами понесли от края, он уперся спиной в каменную стену и еще потерялся лопатками, пытаясь отодвинуться дальше.

Воздух был чистый и острый, как лезвие хорошо заточенного меча. Олег раздвинул грудь так, что затрещали ребра, закашлялся, но в черепе пронеслась очищающая буря с грозой.

Немногие крупные мысли засверкали словно умытые, а мелочь вымыло, втоптало, он повернулся к каменной стене, чувствуя себя опасно захмелевшим.

– Попробуем этот камешек, – проговорил он, не узнавая собственного голоса, ибо услышал почти рык. – Это для кого-то гора, а для другого...

В голове шумело, кожа горела, словно отстегали крапивой, а потом не то осыпали снегом, не то плеснули горячей водой. Или же кожу содрали вовсе! Он чувствует, как магические силы вливаются в него сами, непрошено, каждая жилка дрожит от напора, вот-вот лопнет, переполненная силой, что неподвластна человеку.

В ушах загремел гром. Он, чувствуя, что вот-вот лопнет, разорванный силами, которые двигают небесными светилами, зажмурился, поспешно сказал Слово. Во всем теле вспыхнул огонь, затем грудь пронзила острая боль. Из него выдрали если не сердце, то что-то горячее, наполненное кровью, без чего не жить... Ноги ослабели разом.

Гора дрогнула. В глубинах раскатисто заворчал зверь, такой огромный, что он должен быть с три таких горы. Олег с облегчением выпускал из себя эту мощь, одновременно вбирая всем существом разлитую в воздухе, горах, во всем мире, сжимая в ком и направляя незримым клинком на основание древней горы. Дрогнуло снова, а загрохотало оглушающе уже совсем рядом.

Его встряхивало, словно после долгого плача. Во всем теле было опустошение, но каменная стена медленно ползла в сторону! Подножие накалилось, оттуда выстреливались осколки камней, пошел сизый дымок, блеснуло. Он со страхом понял, что камни загораются так же, как вспыхивает сухое дерево, когда невры добывают чистый огонь трением!

От грохота дрожала каждая жилка в теле. Он привалился спиной к камню, ноги тряслись, по лицу побежали крупные капли. В глазах зашипало, соленый пот не выедал, а выжигал глаза. Внутри было пусто, как в ограбленной могиле. Он чувствовал себя пустой оболочкой, из которой вытряхнули все, сухим коконом, из которого вылезла бабочка, остатками ореховой скорлупы...

С невероятным усилием поднял руки и потер глаза. В красном тумане вспыхивали молнии, затем поплыли пятна с желтыми гнилыми краями.

Когда мир начал проступать сквозь эти пятна, гора уже сдвинулась на полсотни шагов. Открылась отвесная стена. У самого основания словно гигантская раковина приоткрыла створки, там зияла темная щель. Отсюда она выглядела крохотной, но там проехал бы всадник с поднятым кверху копьём.

Качаясь и хватаясь за стену, он неверными шагами потащил себя к древнему входу. Мелькнула вялая мысль, что сейчас его забодает даже заяц, сил только держаться на ногах, да и то если не по ступенькам...

Судя по камням, выступающим из щели, туда не входили давно, очень давно. Настолько давно, что камни от собственной тяжести просели в землю, которую не назовешь мягкой.

От стен справа и слева повеяло странным теплом. Кожу начало покалывать, но мышцы стали потихоньку наполняться кровью, раздуваться. Вздохнул всей грудью, в черепе очистилось. Похоже, камни хранили старую магию. Он пошел в темноту, а когда начал наткаться на острые камни, после недолгих колебаний выбросил в пространство перед собой свернутую в узел молнию. Та поплыла вовнутрь, потрескивая и опасно подмигивая, готовая взорваться в любой миг.

– Не вздумай, – предупредил он, хотя сил хватало только тащиться следом. – Я твой хозяин, я велю...

Ход расширялся, впереди открылась широкая пещера. Узелок молнии взмыл кверху, трепещущий свет озарил красные как кровь стены. На миг почудилось, что попал во внутренности гигантского зверя. Огненный шарик колыхался беспокойно, и темные прожилки в красном

граните, казалось, пульсировали, наполнялись багровой кровью, по ним ходили утолщения, будто проглатывали непрошенных гостей.

В глубине пещеры угадывалось широкое возвышение. Олег решил бы, что это ложе, если бы эта каменная плита не была такой огромной. Он осторожно продвигался вперед, молния освещала свод, а как ее опустить, он не знал, сейчас в полумраке рассмотрел на каменной плите нечто громадное, даже не понял, что увидел, но по телу пробежал нехороший озноб, волосы зашевелились на затылке.

Ноги с усилием переступали шаг за шагом, он наконец остановился у края плиты, что в высоту достигала ему до пояса.

На каменном ложе, без шкур или одеял, прямо на голом камне лежал исполин. Олегу почудилось, что человека, если это был человек, прикрывает странно-черное с тусклым блеском одеяло, только живот и ноги торчат голые, страшно костлявые, с натруженными ступнями, где желтая подошва в палец толщиной явно тверже конских копыт.

Олег переступил с ноги на ногу. Сердце стучало часто, губы пересохли. Человек еще жив, он видел, как медленно-медленно поднимается исхудавшая грудь, ребра выступают все четче и четче, пока не кажется, что сухая кожа вот-вот прорвется, все жилки начинают подрагивать... потом так же мучительно медленно – Олег успел вздохнуть и выдохнуть несколько раз – грудь опускается, опускается, опускается, пока не становится почти ровной, но и тогда живот кажется прилипшим к спине.

Слова не шли, Олег не знал, как обратиться к человеку, который есть прародитель всех северных народов, а еще раньше стяжал себе славу, о которой говорят с ужасом и шепотом, ибо осмелился бороться с небесами.

– Я слышал о тебе, великий, – сказал он наконец дрогнувшим голосом. – Прости... Я думал, что...

Он запнулся, не зная, как сказать, что ожидал увидеть его в блеске и грозном величии, на огромном коне, обязательно черном, как беззвездная ночь, с горящими багровым огнем глазами, яростного и полного звериной силы, что некогда подвигла на вызов небесам.

Лицо гиганта было желтым, как у мертвеца. Олег на миг решил, что древний герой все-таки успел скончаться, пока он рассматривал его в благоговейной тишине, но выпирающие ребра все же медленно проступили на сухой коже, долго так выступали, как толстые прутья на корзине, затем так же очень медленно опадали. Тяжелые надбровные дуги нависали как уступы скалы, а глаза прятались в темных впадинах.

Олег чувствовал боль и разочарование, ибо явился с кучей вопросов, на миг ощутил себя снова учеником волхва, который ни за что не отвечает, а только ходит хвостиком за Боромиром.

– Я могу что-нибудь для тебя сделать? – спросил Олег.

Ничто не дрогнуло, не изменилось, но Олег ощутил, как тяжелый взгляд из-под опущенных век уперся в него с силой брошенного дротика, явственно пробежал по лицу, проник вовнутрь, так же беспрепятственно ушел. Ничто не шелохнулось, а голос прозвучал как будто прямо в пещере:

– Ребенок...

– Я? – удивился Олег.

– Ребенок... – повторил голос, в нем прозвучало слабое удивление. – А уже старик... Много же тебе выпало...

Голос утих, Олег ощутил, что на миг очнувшийся исполин снова уходит в свое забытие, заговорил торопливо:

– Великий!.. Я пришел к тебе как твой сын в далеком потомстве. Неужели ты не поможешь детям своим?.. Я не знаю, что делать! Мы побили, порушили, свергли, растоптали, сожгли, уничтожили... Но что строить? Ломать – ума не надо, а что дальше?

От отчаяния задрожали губы. Исполин явно уходит из жизни, из жизни, которую не принимает, которая, судя по его затворничеству в этой пещере, пошла совсем не так, как он хотел, и, судя по всему, уже не в состоянии что-то изменить, повернуть, выправить. Олег чувствовал, как угасает в древнем герое сознание, затем словно бы вспыхнула слабая искорка, и он ощутил ответ:

– Тебе двадцать... ну, чуть больше весен... и уже ищешь, как... строить?

– Да! – выкрикнул Олег. – Да!

В блеклом голосе, бесцветном, как рожденная в пещерах рыба, прозвучало слабое удивление или же Олегу так почудилось:

– Мне... чтобы понять... понадобилось семьсот лет...

Олег отшатнулся:

– У меня нет столько времени! Время проходит...

– Не время проходит... – прошелестело едва слышно, – проходим мы.

Олег сделал мысленное усилие – такие слова мудрости надо запоминать, чтобы понять позже. Он сказал просительно:

– Нас было трое... сильных и... нет, просто сильных. И когда надо было ломать, то лучше нас, наверное, на свете не было. Ломать просто, тут все одинаковые. А строить...

Исполин прошептал с горечью:

– Это мне знакомо.

Олег поперхнулся, он вспомнил, что строил этот велет с двумя братьями и каким страшным ударом для всех это закончилось. Для них троих... да и для всего людства, ибо эти трое и дали начало главным народам на белом свете.

– Нас тоже было трое, – признался он. – Мы не братья, мы... невры.

Ему почудилось, что веки гиганта слегка вздрогнули.

– Невры?

Шепот стал чуть громче. Олег сказал торопливо:

– Да, невры. К которым ты пришел в Гиперборее.

– Вы... все еще... есть?

– Не как народ, – признался Олег. – После великой битвы... невров почти не осталось. Основной удар приняли они... А кто выжил после тяжких ран, остался среди тех племен, где лечили. Я невр, как и мои друзья, с которыми мы выдрали меч из руки, занесенной над новым Яйцом. Когда надо было рушить врага, мы дрались плечо в плечо, но когда пришло время строить... мы видим грядущий мир по-разному. Я смутно чувствую... нет, это один из нашей тройки все чувствует – как бобер или муравей, а я хочу понять. Сейчас понимаю, что надо собрать мудрецов, сообща придумать правильное устройство мира, справедливое для всех распределение счастья...

Исполин не двигался, но Олег внезапно ощутил, как нечто теплое коснулось всего его существа. Словно исполин с ласковой насмешкой слушал лепет ребенка, любовался грустно, понимая несбыточность детских желаний и неизбежность жестокого взросления.

Голос прозвучал так, словно Олегу ответил мертвец, чье тело пролежало в могиле тысячу лет:

– Нет.

– Ты не поможешь?

– У меня... не осталось... сил...

Олег вскрикнул:

– Ну почему? Встань, встряхнись! Ты же боролся с богом! Вы, трое братьев, почти построили башню до небес! Ваша мощь и донныне двигает вашим потомством, которого как песка в пустынях, как капель в морях...

В пещере стало тяжело дышать. Олег ощутил, как лоб покрывается каплями влаги. Над ложем с исполином начало сгущаться темное облачко. Голос был таким тихим, что Олег половину слов не различил:

– Нам тогда тоже было... почти как тебе... по двадцать... А потом...

Голос умолк. Олег вскрикнул:

– Что потом?

– Потом... сейчас тебе не понять...

Олег отступил в страхе:

– Сейчас? Ты хочешь сказать, что и я когда-то вот так...

Исполин не отвечал. Он был жив, но сознание ушло в другие дали, и Олег в страхе и отвращении попятился. Его трясло, ибо в словах великого Яфета прозвучала страшная уверенность, что и он, юный и могучий Олег, полный сил и жажды создавать, творить, однажды вот так без сил и желаний будет лежать на грубом каменном ложе, глаза бессмысленно в потолок, борода и волосы отрастут настолько, что можно будет укрывать свое нагое исхудавшее тело...

Он бросился прочь, в голове стучала одна мысль: нет, ни за что. Непонятно, что сломило могучего Яфета, у которого даже дети боролись с небом. Говорят, старший сын Менетий едва не разнес там все вздым, коварством да предательством удалось во время сна ухватить его и затащить в тартар, да и то с помощью страшных сторуких чудовищ, которых страшились даже боги. Младшему, Атланту, коварством и хитростью возложили на плечи край небесного свода, он держит поневоле, ибо если свод рухнет, то выгорят поля, во тьме заплачут вдовы, и кончится земля... Средний же, от которого и пошел род северных людей, у богов украл огонь для людей, за что и доныне прикован к самой высокой горе... Правда, он, Олег, не видел, чтобы кто-то держал край небесного свода на плечах, но, может быть, он заглядывал за Край Мира с другого конца, как не видывал и прикованного велета на горе, а приходилось летать над тем горным хребтом не раз...

Впрочем, в вихре много ли узришь?

Глава 7

Долго пробирался по горным тропкам, страхась попытать удачи в вихре или даже на спине Змея. Когда оглянулся, гора Яфета, как почудилось, так же неспешно брела следом. Если вот так, то к зиме минует горный хребет, а к лету отыщет другого колдуна... может быть.

На голой каменной плите возникла расписная скатерть. Странно и дико заблистала золотом посуда, широкие блюда, где исходили паром только что испеченные тушки молодых гусей, пара узкогорлых кувшинов с кроваво-красными рубинами по ободку, братина с выгнутыми бортами, окованными старым серебром.

Он понимал, что еще более дико выглядит он сам: лохматый, немытый, в грубо сшитой душегрейке из волчьей шкуры, с истоптанными сапогами. Глаза обыскивают синее небо, а руки равнодушно шарят по скатерти, не глядя хватают горячие тушки, рвут, отламывают лапы. Ест, почти не замечая, что ест, хотя князь или царь, со стола которого все это украдено, жрал бы в три горла с жадностью, захлебываясь слюной.

– Да черт с нею, – сказал он, морщась, все-таки спер, хоть у царя тащить вроде бы даже почетно, – с этой справедливостью! Если, как говорит Мрак, сперва решать, с какой ноги сороконожке... Когда-нибудь и у царя воровать перестанут. А пока... Что дальше?

На миг мелькнула трусливейшая мысль, от которой скорчился, как шкура в жарком огне: а не бросить ли поиски истины, не пойти ли как простой герой завоевывать королевства, захватить побогаче, взойти на престол и править на радость и счастье народа?.. Враги нападут – перебьет, еще нападут – сам пойдет в те земли и захватит для себя, установит справедливые порядки...

«Какие справедливые?» – подумал горько. Надо сперва придумать эти справедливые. А справедливость, что висит на лезвии длинного меча, – это не та справедливость, которую принимают мудрые.

Когда пальцы гребли уже по пустой скатерти, глаза уловили наконец в синеве неба зеленую точку. В немыслимой выси медленно двигался крупный Змей. То ли высматривал добычу, то ли переселялся в теплые края, но Олег ощутил мощь молодого зверя, зацепил, из груди выплеснулась жаркая волна, тут же заныло и болезненно похолодело, но незримая рука дотянулась до летающего зверя, уладила, заставила двигаться вниз...

Свирепый холодный ветер пронизывал даже кости, вымораживая в них мозг. Заснеженные вершинки гор выглядели крохотными холмиками, зато снизу Змей не виден, меньше селяне расскажут о крылатом чудовище, что пролетал над их огородами, и если бы не местный колдун...

Змей ломился через встречную бурю, как брошенный новенькой катапульты валун. Ветер свистел, под ногами Олега костяные пластинки терлись и скрипели одна о другую. Он скрючился, изо всех сил напрягал мышцы шеи и спины, не давая холоду забираться глубже, вымораживать, как мокрую тряпку, терпел, ибо чем выше Змей забирается, тем быстрее мчится, уже проверил, хотя пока не разобрался, почему так...

Вместо бугристых горных хребтов наплзла зеленая равнина, Змей пошел по дуге вниз. Олег вскоре отличал леса от степи и, когда показалось пятнышко с крохотными ровными квадратами, послал Змея к земле еще круче. Если есть распаханное поле, то есть и люди. Или могут быть.

Когда рассмотрел крохотные домики, Змей тоже понял, что сядут за лесом, сам торопился, захлебывался слюнями, упорно ломился сквозь стены густого как студень воздуха.

Олег заставил его пройти над самой землей, пряча от работающих в поле за верхушками деревьев. Что Змея узрят, ладно, одной похвальбой, как отогнали, больше, но не хотелось бы объяснять люду, как спастся от чудища с размахом крыльев на три сарая и курятник.

На диво, на дне мешка затаилось несколько золотых монет. Настоящих, взятых в разгромленном дворце бога войны. Хотя можно бы таскать словно бы ниоткуда сундуки с золотом, но прекрасно понимал, что они исчезают из чьей-то казны, а богатым бывает не только мерзавец... но и это черт с ним, но одновременно рос страх, что нарушает что-то важное в мире, рвет или хотя бы портит какие-то нити, что держат весь мир вместе.

Городок был даже крупным, если считать, что придвинулся так близко к опасным горам. С другой стороны, горы закрывают от чужого нашествия, и городок вырос, появлялись дома под крышей из гонты, уже богатство, в середине настоящий терем в три поверха, там князь или даже царь, но ему важнее вон тот просторный дом недалеко от ворот, где ворота распахнуты, а во дворе ржут и чешутся у коновязи с десятков коней, из кузницы несется веселый перестук молотков, пахнет как горелым железом, так и жареным мясом, разваристой гречневой кашей...

Хорошо, подумал он угрюмо, если заранее накопил в себе мощь, а противник вышел не торопясь. Издалека показывает зубы и размахивает дубиной. Но если кто-то выскочил из-за угла, то никакая магия не спасет, не успеешь и квакнуть...

Он знал, что трус, уже не только свыкся, но теперь и принял объяснение Россохи: он ценнее других, потому так бережет себя, ибо еще не сделал чего-то большего, главного, для чего рожден, потому не должен ввязываться в пустые драки, где могут снести голову так же просто, как любому деревенскому дурачку.

Полдня провел у кузнеца, а когда вышел, ощутил, как внимательно поглядывают на него мужчины, а женщины ослепительно улыбаются и соблазнительно изгибают бедра. Он остался в той же волчовке, распахнутой на груди, но теперь широкие металлические браслеты блестели на предплечьях и на запястьях. Еще один широкий обруч прихватывал волосы на лбу. Кузнец пытался всучить настоящий шлем, едва отказался, выглядел бы глупо в волчовке на голое тело, обнаженные плечи и руки, даже в руках не топор или меч, а длинный посох из молодого деревца, выдранный с корнями. Ветви и корни обрезал, так что внизу осталось нечто вроде булавы, там самое крепкое дерево, даже для дружинников такой посох выглядит оружием, а Олег не собирался всем рассказывать, что еще и умеет с ним обращаться.

Сейчас он все же, как ни прикидывайся волхвом, выглядел воином на тропе подвигов. Железные браслеты хмуро поблескивают, опытные дружинники сразу замечают, что браслеты на запястьях с особой щелью, куда можно поймать падающее на голову лезвие чужого меча, ни один силач не удержит, если крутнуть кистью. Толстая волчья шкура лучше железного панциря охранит от стрелы, а такой посох в умелых руках страшнее длинного меча.

Олег не удивился, когда к нему начали подходить то один, то другой торговец, приглашали на службу, обещали хороший харч, а когда он вежливо отказывался, понимающе кивали: парень явно нацелился в дружину к самому князю.

В корчме за широкими столами угрюмые мужчины шумно хлебали деревянными ложками борщ. На крепких зубах трескали кости, столы вздрагивали от мощных ударов, когда выколачивали из толстых костей сладкий мозг. Воздух и даже стены пропитались густыми запахами гречневой каши, жареного мяса и лука.

Хозяин лишь издали бросил острый взгляд в сторону пришельца, тут же примчался мальчишка, вытер чистой тряпицей стол, а другой поставил хлеб и солонку. Олег выложил монетку, мальчишки обрадованно умчались.

Ему что-то принесли, он видел край широкой миски, но еще четче стояли перед мысленным взором горящие поля, полыхающие хаты, слышал треск горящих кровель, крики людей.

Война должна вспыхнуть сегодня... завтра? Может быть, на полях сражений уже льется кровь, массы мужчин остервенело режут и закалывают друг друга, а потом победители на плечах бегущих ворвутся в их города, села, начнется то, что он видит так отчетливо...

Его руки медленно отламывали куски хлеба, бережно подбирали крошки. Последним куском вытер миску, подчищая еще горячие капельки жира. Оставался еще кусок мяса, последний. Его оставил напоследок, на сладкое. Руки двигались все медленнее: и потому, что насытился, и еще потому, что мысль, даже сытая и сонная, все же ползла и ползла потихоньку, постепенно забрезжил свет, потом он увидел впереди ослепительное сияние, осталось только нырнуть туда с головой и добыть блистающую истину...

В спину ткнуло, на пол беззвучно упал черепок глиняной миски. Он недовольно оглянулся, только сейчас заметил, что двое здоровенных мужиков посреди харчевни дерутся люто, остервенело, но неумело. Сами шатаются от своих богатырских замахов, останавливаются вытереть кровавые слюны, бранятся, опять кидаются навстречу друг другу, сшибаются, как лоси в весенний гон, трещат столы, с грохотом падают лавки. Оба со злости даже хватают со стола посуду и, как бабы, бросают один в другого, попадая больше в других едоков...

Черт бы их побрал, он поспешно отвернулся, сердце стучало часто и радостно, мысль уже высунула из сияющего счастья узкий хвостик и дразнила, как ящерица, но было видно, что убежать не собирается, просто дразниться. Сейчас он возьмет...

В спину и по голове грохнуло так, что перед глазами заблестали искры. Через плечо на стол шлепнулась тяжелая туша. Столешница треснула, мужик с воплем скатился на пол. Другой подбежал и победно встал над ним, сжав кулаки и пожирая глазами. Видно было, как не терпится ударить ногами, но на виду у всех нельзя, лежачего не бьют, потом хоть беги из города, опозоренный и оплеванный, отвергнутый даже близкими...

Олег с раздражением взял миску и пересел за другой стол. Двое селян там зачарованно наблюдали за дракой. Хвостик мысли исчез, но когда Олег сунул в сияние руку и пошарил, по пальцам вроде бы хлестнуло, дразня, юрким веселым хвостиком. Он сосредоточился, сияние стало ярче, в висках закололо, он ощутил радость охотничьего пса, что уже увидел зайца, догнал, прыгнул...

Стол тряхнуло, он едва успел подхватить миску. В корчму вошли трое, крепкие и уверенные, шли мимо, распихивая народ. Один ухватил молодую женщину за ворот рубашки, дернул, Олег услышал треск разрываемой материи. Девушка вскрикнула и в испуге прикрыла обеими руками обнаженную грудь. Молодой парень вскочил, но от сильнейшего удара в лицо, короткого и беспощадного, завалился на стол, потом сполз на пол, оставляя капли крови.

Черт бы все побрал, мелькнула мысль, он с испугом увидел, как сияние меркнет, сердце стучит все так же мощно, но теперь кровь наполняет не мозг, а мышцы, вздувает, те вздрагивают от предвкушения драки. На миг, заслоняя сияние, пронесли хаотичные скомканые видения, как он крушит этих троих, повергает на пол, бьет ногами, растаптывает, разносит всю корчму, бушует пламя, крики, его злой голос, что вот, мол, не хотели жить по-людски...

Он вздрогнул, зябко поежился. По плечам ударили, он даже не оглянулся. Его дважды толкнули, он пригнулся, накрывая миску, торопливо сунул в зубы последний кус мяса, жевал, стараясь не слышать криков, хохота, треска, тяжелых ударов.

Когда поднялся выходить, краем глаза увидел, как трое прибывших ухватили молодую женщину. Один уже сорвал верхнюю часть платья, она кричала и обливалась слезами, а ее лапали, шупали, мяли, грубо хватали за груди. Он встретился с ее умоляющими глазами, но заставил себя отвернуться, пошел к выходу.

Похоже, кто-то из селян попробовал заступиться, Олег услышал вскрик, падение тяжелого тела, треск, злорадный хохот всех троих. Толкнул дверь, в лицо пахнуло свежим воздухом. Небо потемнело, на западе виднокрай был еще красный, словно накаленное солнце подожгло походя темную полосу.

За спиной был женский крик, уже не возмущенный, даже не отчаянный, а молящий. Впереди расстился мир, где далеко-далеко виднелся лес. Еще дальше пойдут горы, а за ними, как он помнил, бескрайние накаленные пески... Есть где уединиться, углубиться в себя.

Улыбка раздвинула его губы, он мечтательно вздохнул, а следующее, что запомнил, были красные лица с выпученными глазами, раскрытые в крике рты, струи крови при каждом ударе... Стены двигались, как ветви в лесу при сильном ветре, мелькали столы, лавки, люди. Он видел блеск ножей, вскинутые дубины, топор в замахе, пальцы его хватали, крушили, ломали, он чувствовал себя сильнее ста медведей, а двигался как богомол, успевая видеть все вокруг, с боков и даже за спиной.

Потом все перестало двигаться, только колыхалось, и он сообразил, что это тяжело вздымается его грудь, а свист и хрипы рвутся из него самого. Все помещение в корчме устлано обломками и упавшими людьми. Лужи крови не только на полу, но и стены так забрызгало красным, словно здесь забивали стадо свиней, а те бегали в предсмертных судорогах и мотали головами.

Молодая женщина в страхе приподнялась, она сидела на корточках в самом углу:

– Боги... Что вы с ними сделали?

Везде зашевелилось, люди начали подниматься, Олег с великим облегчением понял, что не всех убил, кто-то еще жив.

Один мужик сказал с нервным смешком:

– Мы все попадали, а то ты как пошел махать, как пошел... Попади под горячую руку, зашибешь, имя не спросишь...

На полу остались трое, наконец один зашевелился, приподнялся на дрожащих руках. Из рта и разбитого лица текли красные струйки. Он закашлялся, на пол посыпались мелкие камешки, что раньше были зубами. Он кашлял и кашлял, хрипел, явно часть зубов была вбита в глотку.

– Черт бы все побрал, – проговорил Олег с тоской. – И всех.

Из кухни вышел хозяин, смотрел с выжидательной укоризной. Олег выудил из кошелька горсть золотых монет, перед ним тут же появилась широкая, как лопата, ладонь. Монетки зазвенели, тут же исчезли в кулаке.

Хозяин поклонился:

– Заходи еще!..

– Спасибо, – буркнул Олег.

Он повернулся и пошел к двери. Хозяин радостно закричал вдогонку:

– У нас каждый вечер что-нибудь такое нескудное! Заходите, когда возжелается насчет подразвлечься, силушку удалую выказать!

Когда он перешагивал порог, в спину радостно кричали мужики, что-то счастливо верещала женщина, он ощутил гадостное желание расправить плечи, он же добрый молодец, раскланяться, милостиво и горделиво улыбнуться и уйти с прямой спиной, богатый и загадочный.

Спина сама сгорбилась, он поплелся вдоль стен, опозоренный самим собой и несчастный. Только сейчас вспомнил, вовнутрь хлынула не холодная волна, а целый океан: а как же та счастливая мысль? Он же был так близко к Истине!

Сейчас он был уверен, что то как раз и была самая что ни есть окончательная истина, которая даст счастье всему роду людскому, научит, как жить по-человечески, как сообща идти к небесам, чтобы стать вровень с богами, да не такими дурными, как Таргитай, а настоящими, а это значит – умными...

Задумавшись, споткнулся так, что пробежал вперед, чтобы не растянуться, ударился о дерево, вскрикнул, выругался длинно и зло. Вблизи злорадно хихикнуло. Из-за забора выглядывали две детские головки.

– Спать пора! – рявкнул, злой на себя, что заорал как тупой селянин, заругался при детях, а еще собирается тащить весь род людской в небеса.

Глава 8

«Что за дурак, – подумал с тоской. – Я же должен был просто уйти. Уже уходил... Это Мрак бы ввязался в драку, да еще с удовольствием. Да Таргитай бросился бы на защиту обиженных... он это называет справедливостью. Но я же не драчливый Мрак, не пылкий Таргитай! Я же уже уходил, я же переступал порог!

А не переступил потому, – мелькнула трезвая мысль, – что теперь нет ни Мрака, ни Таргитая. Раньше они бы вмешались, а я бы зудел, что это не наше дело, что надо мир спасать, а не отдельных людишек, что всех не наспасаешься, по всему миру в этот момент кого-то бьют, с кого-то сдирают кожу, кого-то безвинно тащат к петле, насильники глумятся над молодыми женщинами, детишек бросают в костры, горят дома и посева...»

– И что же теперь? – проговорил он вслух. – Раньше я мог мыслить за их спинами... Каждый из нас что-то делал свое, а теперь Мраку придется и мыслить, Таргिताю придется драться чаще и, что представить трудно, начинать думать головой, а не... Мне же, увы...

Улица тащилась навстречу как старуха, изгибалась болезненно, из окон вылетали рои сытых мух, рассаживались на белых стенах. Он чувствовал, дома проползают по-черепаши то справа, то слева, редкие прохожие опасливо обходят, не понимая, что за хмель бросает этого дюжего варвара из стороны в сторону.

– Что же меня гонит? – спросил он измученно вслух. – Ну, понятно бы, если бы у меня какой Змей Горыныч или Кощей девку увели!.. Понятно, пошел бы, отыскал бы, всех бы разнес: как же, мое тронули!.. За свою корову головы посрываю!.. А тут вроде бы за чужих переживаю, когда их хозяевам до них дела нет. Или зря Тарха дураком звал?.. Или же, тоже понятно, меня бы трона лишили. Или я вдруг оказался незаконнорожденным сынком какого-нибудь князька или царишки. Тоже народ бы понял, если бы пошел отвоевывать свое... а своим можно назвать все, на что светит солнце. Но что толкает устанавливать какой-то дурацкий мир между народами, если они этого и знать не хотят? И за это я буду получать плевки, затрецины, зуботычины?.. Добро бы за трон или девку, а то всего лишь за счастье для всего человечества!

«Когда мы только вышли из Леса, – подумал он горько, – мы были понятнее всем и ближе, потому что нам бы только уцелеть, выжить... Даже когда с магами дрались, хотя уже не так нравились: все трое поумнели, а когда умные нравились и кому? Ни дуракам, ни даже умным, тем тоже хочется быть единственными умными.

А сейчас так и вообще... Раньше только Мрак называл меня занудой, а теперь и сам вижу, что занудее меня на свете нет. Ведь на самом деле все то, что говорю, всем понятно, потому и бросают камнями, что напоминаю некстати, мол, вы ж люди, а люди вроде бы не совсем свиньи...

А восторгаются не мудрой мыслью, а молодецким ударом, после которого такой же, как и они все, выплевывает с кровью половину зубов!»

Его толкнули раз-другой, он очнулся, обнаружив, что бредет бесцельно, его все еще шатает с одной стороны улицы на другую. Одетые празднично, люди торопливо пробираются по узким улочкам в сторону центра. Когда толкать вроде бы перестали, он понял, что его уже несет в людской волне. Не как щепку, конечно, но вода тащит за собой и тяжелые валуны. Вокруг веселые голоса, шуточки, от многих пахнет либо вином, либо душистыми маслами и травами, все нарядные, особенно, что удивительно, мужчины.

Правда, женщины тоже одеты в лучшее, но чтоб так прихорашивались мужчины?

Его вынесло на площадь, где уже наполовину было заполнено пестрой галдящей толпой. Далеко впереди ворота детинца распахнуты, там белеет свежеструганными досками высокий помост. Верх помоста застлан красным кумачом, пятеро мужчин степенно беседуют, изредка поглядывая на толпу, чьи головы ниже их подошв.

Из распахнутых окон терема едва не вываливается народ, из нижних – челядь, из второго поверха – стражники и служанки, зато все окна третьего закрыты...

Едва Олег успел это заметить, как самое верхнее окошко распахнулось. Из светелки словно бы пошел свет, Олег ощутил, как чаще забилося сердце, а в толпе послышались восторженные вопли.

Рядом здоровенные мужики орали и подбрасывали шапки. Олег поинтересовался:

– Кто эта красавица?

Один мужик орал и даже подпрыгивал. Второй услышал, удивился:

– Не знаешь?..

– Нет, – признался Олег.

– Откуда же ты такой взялся?

– Из Леса, – сообщил Олег.

– То-то и видно... Это же прекраснейшая невеста этой страны... это несравненная Бруснильда!

– Ого, – протянул Олег. – А кто она?

Теперь и второй мужик услышал, посмотрел с недоумением, толкнул первого:

– Ты что с помешанным разговариваешь?.. Если он Бруснильду не знает, тогда и своего имени не помнит!

– Бывает, забываю, – согласился Олег. – Она что же, ждет, когда кто-то на Сивке-бурке допрыгнет, колечко с пальца сдернет?

Первый мужик, не отвечая, стал протискиваться ближе к помосту, там начали что-то говорить, а второй сказал словоохотливо:

– Ты почти угадал, чужестранец. Бруснильде, юной княжне этого города и окрестных земель, пришло время выбирать жениха. Если бы не Крутогор, который обещался прибыть послезавтра... и взять ее в жены, хочет она того или не хочет, то можно бы не спеша. Не торопясь, приглядевшись, приняхавшись...

Волна громких воплей покатилась от ворот, Олег увидел выезжающего на коне статного сокольничего в парадной одежке. Следом на рослых конях, богато изукрашенных попонами, двигались еще с полдюжины слуг. На руке сокольничего сидела птица, которую Олег не сразу определил как сокола. Почти вдвое крупнее, с толстыми плечами, птица без колпачка, он рассмотрел желтый глаз, хищно загнутый клюв. Почему-то показалось, что этим клювом и доспехи пробьет как гнилую кору. Непростой сокол, на какую только птицу охотится...

Сокольничий сильным рывком швырнул сокола в воздух. Олег не поверил глазам, ибо птица в два взмаха взвилась на такую высоту, что стала меньше жаворонка, как молния метнулась вправо, влево, сделала быстрый круг, и он понимал, что она видит не только толпу на площади, но немыслимо зоркие глаза рассмотрели как всех людей на тропинках царства, так и вообще все живое, вплоть до жуков и муравьев.

В толпе весело орали, пихались, тыкали пальцами в небо. Сокол, расставив зубчатые, как листья папоротника, крылья, снизился по крутой дуге, внезапно пролетел над толпой совсем низко. Олег увидел устремленные на него круглые глаза, сперва один, потом другой. Сокол выставил вперед лапы с крючковатыми когтями, словно намереваясь вцепиться, но в последний миг, чего-то испугавшись, резко взмыл вверх.

Волосы растрепались под ударами сильных крыльев, а когда Олег отбросил их с лица, сокол сверкал в небе, как льдинка под лучами солнца. Люди возбужденно говорили, а мужик пихнул Олега в бок:

– Видал?.. Чуть в тебя не вцепился.

– С чего бы? – буркнул Олег. – Меня ему не поднять.

– Как знать, – сказал мужик горделиво, словно это был его сокол. – Это непростая птица. Он не обращает внимания на всякую мелочь вроде уток да гусей...

В толпе орали, указывали на сверкающую полоску, в которую превратился сокол в своем стремительном полете. С голов полетели шапки. Женщины с визгом придерживали платки, а могучая птица снова понеслась в сторону Олега. Олег непроизвольно приготовился выдержать толчок, напрягся. Однако сокол явно чего-то испугался, Олег это ощутил, и резко взмыл свечой вверх.

Под восторженные крики мужик сказал досадливо:

– Второй раз так обмишулиться... Раньше такого с ним не бывало!

– Да, – согласился Олег, – я в женихи не подхожу.

– Это он понял, – сказал мужик. – Только почему-то не сразу, как с другими. Видать, ты на кого-то похож!

– Но не на жениха, – сказал Олег. – Будь здоров.

Пока сокол делал круги над толпой, уже совсем медленные, он начал выбираться из толпы. В спине было неприятное чувство укора, он догадывался, чей взгляд неотступно следует за ним еще после первой же попытки обознавшегося сокола, могут даже послать стражей, чтобы остался, но вроде бы тихо...

Он услышал выкрики в толпе, по их нарастанию догадался, что сейчас будет толчок в спину, резко обернулся, успел увидеть летящую на него огромную оранжевую птицу, выставленные лапы с хищно загнутыми когтями...

Рука метнулась, закрывая лицо, он ощутил мощный удар воздуха, словно сокол сбил его в ком, как из молока сбивают масло, и гнал перед собой, запах перьев, тепла, затем перед глазами была только изумленная толпа, а когда он вскинул голову, оранжевая птица, как раскаленный слиток металла, блистала в вышине, только теперь двигалась совсем медленно, клюв раскрыт, концы перьев опущены, словно намокли в тяжелой холодной воде.

– Обознался, – сказал Олег громко.

Его провожали изумленными взглядами, в которых он теперь ловил не столько недоумение, сколько боязнь, а то и откровенный страх.

Постоялый двор переполнен, ноги гудят еще от лазанья по горам. На миг возникло стыдное желание, недостойное мужчины, своей мощью колдуна очистить помещения от этого пьяного горланящего сброда, в тишине пообедать, отдохнуть, приводя в порядок мысли...

Горячая кровь прихлынула с такой силой, что встречные начали оглядываться с удивлением. Он чувствовал, что уши пылают как факелы, от них можно зажигать светильники, а пролетающие мухи вспыхивают и падают крохотными дымящимися угольками.

– Никогда, – прошептал он яростно, – никогда не пользоваться для себя!.. Только для людей!.. Только на благо рода людского!.. Иначе... иначе я не человек, а тварь лесная, дикая, неумытая!

Не заходя, он повернул обратно. Мрак говорил, что один постоялый двор бывает даже в большой деревне, в селе их два-три, а в городке найдется не один умелец, что постарается заработать на приезжих да местных, что убегают от жен выпить и пообщаться с себе подобными.

Постоялый двор, который оказался на соседней улице, был таким захудалым, что Олег понял: доживает последние дни. Постояльцы предпочитают темную переполненную комнатушку в «Кабанчике», чем пустые палаты здесь, где с балок свисают космы паутины, из углов дует ветер, а вдоль стен бегают мыши размером с отощавших кроликов.

Навстречу вышел долговязый парень с уныло вытянутым лицом. Олег поинтересовался:

– Свободные комнаты есть?

– Есть, – ответил парень недоверчиво. – Они все свободные...

– Мне на пару дней, – сказал Олег. – Плачу вперед. И чего бы поесть еще.

Унылый парень шмыгнул носом, вытерся рукавом, уже мокрым и зеленым с приятной солнечной желтизной, посмотрел с недоумением сонными рыбьими глазами:

– Поесть?

– Поесть, – повторил Олег.

– Ах, поесть...

– Ну да, – согласился Олег, – а что, в этом городе уже не едят?

– Едят, – согласился парень уныло, – еще как едят... я слышал. Ворчунко вчера полбыка съел... Правда, жареного, с луком...

В животе Олега громко квакнуло. Парень топтался, разводил руками. Олег спросил нетерпеливее:

– Я тоже в этом городе. И есть привык хоть бы через день.

Парень почесал в затылке, долго думал.

– Есть только каша. Правда, вчерашняя... Или позавчерашняя...

Олег отмахнулся:

– Неси. Мужчинам не пристало перебирать.

Про себя добавил, что мудрецам тем более не пристало, у них высокие запросы, лишь бы жизнь поддерживать, для волхва главное – насытить голод души, вернее – голод мозгов...

Комнатка, которую ему отвели, больше походила на чуланчик, но если пригибать голову, то он не всегда будет стучаться о потолочные балки. К тому же окно хоть и без бычьего пузыря, зато со ставнями, что от ветхости не доживут до зимы.

Он лег на лавку, закинул ладони под голову. Глаза уставились в низкий потолок. И так, первый же колдун учить отказался, сообщил доброжелательно, что и другие тоже... Если не сразу выпрут. Хоть у него больше силы... да и то еще как сказать, а умения у них явно больше. Это раз. Яфет, о котором даже старые книги молчат, тоже ни научить, ни подсказать... У него свои неведомые беды, перед которыми его нынешние – воробыиное чириканье.

Оглушительно закрипело. Он подпрыгнул вместе с лавкой. Скрип был отвратителен, волосы встали дыбом. Парень вдвинулся боком, держа в руках деревянный поднос, больше похожий на неструганую доску. Ногой он придерживал перекосившуюся дверь, та болталась на веревочной петле и норовила боднуть в спину.

Олег с непониманием смотрел, как парень опустил поднос на подоконник, здесь заменяющий стол.

– Это что?

– Каша.

– Разве каша такая?

– У нас такая, – подтвердил парень уныло. Подумал, почесался, сплюнул на пол и добавил: – У нас готовят по-простому, по-селянски.

– Даже и не по-человечьи, – добавил Олег.

Когда парень ушел, он оглядел ту серую горку земли, что здесь называлась кашей по-селянски, принюхался в надежде услышать хотя бы запах еды, даже потыкал пальцем, но едва не сломал ноготь.

За окном слышались веселые песни. Парни и девчата шли на гулянку, молодые и сытые. Слышно было даже уханье, кто-то плясал. А ему кричали и хлопали.

– Да черт с ним, – сказал он с раздражением, но на душе было гадко, словно у сироты отнял последний сухарь. – Я ж не жареного павлина восхотел! Мне бы чего-нибудь попроще, я же волхв, а не чреволюб. Просто перекусить. Да, перекусить! И ничего больше.

В желудке квакало непрерывно, ворочалось, пихалось в бока, выпячивая их, как у стельной коровы, колотило в ребра. Он чувствовал, как губы сами начинают двигаться, он мог бы остановить, но не стал, ноздри уже уловили... нет, словно бы уловили запах жареного поросенка...

На стол бухнулось расписное блюдо, на нем истекал вкусным соком туго зажаренный гусь, весь коричневый, с твердой, как тонкая льдинка, корочкой, но горячий, в ноздри ударила волна

ароматного запаха. Гусь опоясан янтарным ожерельем: оранжевые комочки, в которых Олег не сразу узнал тушки молодых перепелок, плотно прижаты один к другому, блестят, покрытые соком, от них поднимаются тонкие струи пара, а запах такой, что внутри Олега взвыло, он ощутил, что уже разламывает, обжигаясь и облизывая пальцы, толстого нежного гуся, рвет зубами белое мясо, от вкуса и запаха которого в голове творится то же самое, что и в желудке.

Когда половина гуся и все перепелки опустились в желудок, оттуда по усталому телу пошла сладкая волна счастья, он пробубнил с набитым ртом:

– Ну и ладно... Я ж не ломать черного... хлеба из руки бедняка... не... м-м-м... сироту... или вдову... Ломать черного хлеба часто... м-м-м... бывает последним!.. А такой гусь... не бывает...

Тонкие нежные кости хрустели на зубах, таяли, как льдинки, он выплевывал самые мелкие щепочки, и только когда на столе осталось блестящее блюдо – когда только вылизал сладкий душистый сок! – в душе шевельнулось что-то вроде угрызений совести. Только что о духовном голоде, о высоких запросах, и вот тебе высокие запросы...

Это, конечно, слабость, мелькнуло в голове, но лучше назвать это мудростью, нежеланием переть против рожа, плевать супротив ветра, маленьким шажком назад для большого шага вперед. Полной справедливости жаждать, как говорил Мрак, это с места не сдвинуться: какую-то букашку да задавишь, стебелек сломаешь, жука спугнешь. Так что же, сидеть, не двигаться?

Лавка была широкая, а на полу что-то вроде рогожи, Олег поднимать не стал. Крепкая и твердая, как дерево, спина опустилась на дубовую доску, узковатую для его могучего не погородскому тела.

Мышцы, получив приток сил, подрагивали в готовности. Сердце стучало сильно и мощно. Он чувствовал себя снова готовым в путь, в бой.

Заснул, счастливо улыбаясь.

В комнату осторожно заглянул долговязый, поманил кого-то в коридоре. Послышались приглушенные голоса, в проем заглянули двое мужчин, оба в серых плащах, лица скрыты капюшонами, сапоги из дорогой кожи, умело сшитые, с золотыми подковками.

– Этот? – прошептал один.

– Он самый, – ответил парень. – Вон и каша стоит... нетронутая. А улыбается!

Второй вытащил из-за пазухи голубя со смятыми перьями, что-то пошептал, на цыпочках прокрался через всю комнату и сильно швырнул в открытое окно. Слышно было, как голубь часто-часто захлопал крыльями, затем все стихло.

– Пусть Крутогор поторопится, – сказал второй, возвращаясь. – Не нравится мне затея княжны. Очень не нравится!

– А меня больше тревожит то, – ответил первый, – что сокол не сел...

– Да ведь деревенщина!

– Нет, – возразил первый, – он чего-то испугался. А испугать сокола княжны невозможно...

Они отступили в коридор, уходя, голоса вскоре затихли.

Олег лежал с глупейшей улыбкой на всю рожу, достойной разве что Таргитая, губы плямкали, а пальцы уже раздирали второго гуся. Это мозги старались стать мозгами мудреца, но не желудок.

Глава 9

Ночью словно кто толкнул его в живот. Он ощутил тупую резь в животе, сквозь сон попытался понять, нож ли воткнули тупой или же камнем из пращи, не сразу понял, где он и что с ним, на ощупь поднялся в темноте, подошел к окну, толкнул ставни.

Гнилая рама едва не вывалилась наружу, свежий холодный воздух приятно опахнул покрытое ночным потом лицо. Не одеваясь, он с наслаждением опорожнил за окно мочевой пузырь, резь стихла, но сон уже ушел, а за окном лежит ночной город, лениво брешет собака, издали потянуло ароматным запахом свежее испеченного хлеба.

Он собрался, осторожно вывалился из окна, в падении распротал руки, что ударились о плотный воздух, такие внезапно широкие. Земля скользнула совсем близко, он торопливо замахал руками, уже крыльями, поднялся в ночное небо и подумал со злобой, что всякий раз отчаянно трусит, сердце даже не в пятках, какие пятки у птицы, а в гузне, трепещет, как у самого распаршивейшего труса...

Его неуклюжее, но сильное тело мощно разрезало плотный воздух, более плотный, чем вода для рыбы. В желудке словно нес тяжелую льдину, от нее шел холод и просачивался во все части тела. Он с усилием бил крыльями, взмывал выше, заставлял себя носиться из стороны в сторону, но страх хоть и не поглощал с головой, как бывало раньше, но не исчезал, по телу бегают острые колючки, он страшился смотреть вниз.

Темнота отступила неожиданно быстро. Земля внизу из черной стала серой, он заставил себя неотрывно смотреть вниз. Необычная четкость сперва больно ударила в мозг, стало жутко, различал даже черепки от горшков, затем с востока по земле вдруг пошла оранжевая волна, словно на сушу наступало море расплавленного золота.

Он судорожно перевел дух, повернул голову, чтобы смотреть другим глазом, приходится то одним, то другим, такие уж теперь у него глаза, птичьи, от ужаса и странного восторга перья встопорщились, а из горла вырвался клекот.

Земля внизу стала оранжевой, залитой немислимо ярким светом, луна вышла из-за тучи, теперь он мог отличить одну сосновую иголку от другой, и от этого стало жутко, ведь с этой высоты весь город не больше маленького села, а за ним поля, речка, далекий лес, в котором видит не только каждое дерево, но каждую сосновую шишку, каждый желудь, что горит в свете луны как капелька расплавленного золота...

«Таргитай бы орал и кувыркался от восторга, – мелькнула тоскливая мысль, – а я все трушу. Неужели признак ума прежде всего в трусости? Неужели только дураки храбрые, а мудрец трус?»

На востоке посветлело, а когда он поднялся еще выше, рискуя разбить голову о небесный купол, из-за края земли выглянуло оранжевое солнышко, умытое, чистое, свеженькое, такое молодое, что ему захотелось помчаться туда и ухватить его в ладони.

Внезапно внизу по серой земле мелькнула полупрозрачная тень, на миг перекрыв его, совсем крохотную. Настолько быстрая, что он не успел понять, птица ли пролетела над ним, хищный ли зверь, вроде огромной летучей мыши, или гад вроде Змея Горыныча...

По спине побежали мурашки, вздыбив перья, от жутковатой мысли, что и выше ширяют странные звери, о которых не знают ни поселяне, ни мудрецы, ни самые древние книги...

Земля постепенно увеличивалась, он со стыдом понял, что после страшноватой тени начинает прижиматься к земле. Вроде бы стремится к одиночеству, что присуще мудрецам, но среди людя защищено...

Когда он, растопырив крылья, скользил неслышно над городом, там внизу была еще глубокая ночь, только прокричал одинокий петух, предвещая скорый восход. В холодном утрен-

нем воздухе чувствовались тонкие теплые струйки с запахом древесного угля, свежего хлеба, даже ощутил едва слышный аромат свежесдоенного молока.

Близость жилья придала уверенности, он растопырил крылья и прошелся на уровне крыш, заглядывая сверху в окна. Везде темно, но его глаза видели четко, хотя не различали цветов.

Когда уже решил вернуться, взгляд зацепился за распахнутое окно, где в глубине комнаты на стене висела старая полка. Посуда на столе пощербленная, Олег сразу ощутил ужасное запустение, уныние, а пыль на книге ясно говорила, что хозяин либо умер, либо... Скорее всего, умер, такие книги не кладут на полку для посуды.

Он трижды пролетел мимо окна, решился, втиснулся в узкий проем, ухватил зубастым клювом и вскоре уже торопливо неся к постоялому двору. Стараясь не выронить тяжелую книгу, он примерился к распахнутому окну, в последний миг сложил крылья, собрался в ком, больно ударился макушкой, ободрал локти, но проломился через оконный проем, перекувыркнулся через голову.

Одежда ждала на лавке, он торопливо влез в волчовку и портки, почему-то до коликов захотелось есть. Деревянный переплет манил, и он, вздрагивая от холода, жадно раскрыл книгу.

Когда на этот раз на подоконнике возникло блюдо, он уже не испытывал угрызений совести. Может быть, потому, что усердно вглядывался в полустертые значки, ведь это самое важное для мыслящего человека, не мелочи вроде еды, одежды, обуви...

Книга распадалась, он переворачивал страницы бережнее, чем если бы они были из перепрелой бересты. Значки почти стерлись, он всматривался до рези в глазах, поворачивал так и эдак, чтобы косые лучи утреннего солнца выявили если не следы чернил, то хотя бы вмятины на тонкой коже.

Когда в глазах начало двоиться, он хлопнул себя по лбу. В городе наверняка есть два-три колдуна, что горами не двигают, но могут заставить проступить стертые буквы. Это не учить, даже сами могут что-то узнать мудрое...

В раскрытое окно, где на подоконник уже упали первые лучи, зримыми волнами вкатывался холодный свежий воздух, еще не загрязненный дыханием людей и животных. Пахло свежим хлебом – явно булочник повез полную телегу на базар.

Когда он вышел на улицу, солнце уже поднялось над крышами. На него оглядывались, кто-то указал пальцем. Олег на всякий случай пригладил волосы, торчат, как у взъерошенной птицы гребень, и без того красные, всяк оглядывается. Книга в заплочном мешке похлопывала по спине, твердый латунный переплет чувствуется даже сквозь толстую волчовку.

Народ, как и вчера, двигался в одном направлении, Олега сперва толкали, потом он ощутил, что двигается тоже к центру. Где не только башня местного колдуна, а то и чародея, но и княжеский дворец, приземистый дом из толстых бревен, длинный, как гусеница, от которого за версту пахнет крепким мужским потом, железом и тугим мясом, – помещение, где живут городские и княжеские гридни.

Один из прохожих, что шагал поодаль от Олега, бросал на него короткие боязливые взгляды. Олег не обращал внимания, тогда расхрабренный горожанин рискнул приблизиться:

– Доброго здоровья, чужеземец!

– И тебе доброго, – ответил Олег вежливо.

– Надейся, – сказал горожанин, – на этот раз тебе может повезти больше!

– В чем? – не понял Олег.

– Как в чем? – удивился горожанин. – Сокола вчера то ли сполохнули, то ли еще что, но за ночь он опомнится...

– И что?

– И сядет!

– На меня? – спросил Олег.

– Ну да. Он же вчера чуть-чуть не сел!

Олег огляделся. Они снова вышли на городскую площадь, уже запруженную народом. По ту сторону княжеский терем, в верхнем раскрытом окне милое личико княжны, из окон ниже снова едва не вываливаются любопытные служанки, а рядом с княжескими хоромами вздымается высокая, хоть и неказистая башня наполовину из камня, а дальше из бревен, самый верх из простых жердей. Олег попытался протискиваться в ту сторону, на него даже не оглядывались, все смотрели вверх, расставив локти.

Сверху упала тень. Олег вскинул голову, отшатнулся. С синего неба на него падал вчерашний сокол. Клюв раскрыт в грозном клекоте, когти выпустил, уже готов вцепиться...

Олег задержал дыхание, ожидая сильного толчка, но в лицо ударила волна воздуха, по уху царапнуло жесткими крыльями, и с оглушительным хлопанием, словно на плетень собиралась взлететь толстая курица, сокол свечой взмыл в небо.

Через мгновение он уже был едва различим, Олег пожал плечами, попятился, проще обойти площадь с другой стороны, чем ломиться через толпу. Перед ним расступались неохотно, а он, благодаря своему росту лесного человека, видел поверх голов, как от терема в толпу врзались на быстрых горячих конях всадники.

Перед ними толпа распаивалась, как зеленые колосья перед бегущим кабаном. Олег хмурился, внимание властей ни к чему, толпа перед ним расступалась тоже быстро, он уже понял, что успевает свернуть за угол...

...Как вдруг со стороны городских ворот прогремел конский топот. Судя по грохоту, по улочке неслись, задевая стременими за стены, тяжеловооруженные всадники на грузных боевых конях. Олег отпрыгнул к стене как раз вовремя, из-за поворота с металлическим лязгом вырвались конники, целый отряд, а во главе неся на огромном вороном коне такой же огромный воин, весь в железе, разве что голову оставил непокрытой, длинные черные как ночь волосы развеваются по ветру. Лицо его было темнее грозовой тучи, глаза метали молнии, а густые черные брови сошлись на переносице в одну темную грядку.

Всадник, что едва поспевал за вожак, вдруг завизжал:

– Вот он!.. Вот!

Конь под ним встал на дыбы, месил воздух передними копытами. Вожак круто развернул коня. Его горящие глаза уперлись в лицо Олега как два копыя. Всадники, с трудом удерживая коней... окружили полукругом красноглазого волхва. Спиной он упирался в бревенчатую стену, конские морды хрипели и роняли ему под ноги клочья желтой пены.

Вожак прогремел:

– Это на тебя пал выбор?

За спиной прибывших слышались крики, ругань. Всадники задвигались, их кони нехотя отступали, а в щель с усилием вдвинулись гридни княжны, Олег узнал этих толстых увальней, сытых и неповоротливых. Правда, вел их старый грузный воин, лицо в шрамах, левая рука полусогнута, явно кость или жилы срослись неправильно, но глаза смотрят сурово и вызывающе.

– Всем стоять! – рявкнул он так мощно, что голос вожака прибывших показался Олегу писком младенца. – Властью, данной мне княжной, я повелеваю всем опустить оружие!.. Кто ослушается, да будет убит без второго предупреждения!

К удивлению Олега, послышался лязг задвигаемых в ножны мечей. Похоже, никто так вот с ходу не хотел кровавой потехи. Старый воевода привстал на стременах, оглядел всех свирепым взором, будто собирался заклевать насмерть. Его гридни, осмелев, оттеснили всадников от прижатого к стене чужеземца, только вожак не сдвинул своего коня с места.

– Бранибор, – произнес он с угрозой, – на этот раз ты переступил черту... Я тебе этого не спущу.

– Здесь владения княжны, – напомнил старый воевода сурово, – и никто не волен! Даже ты, Крутогор...

– Ты знаешь, – сказал Крутогор с угрозой, – как и все знают, что княжна должна послезавтра стать моей женой. Так было уговорено. И что же?.. К счастью, в этом презренном княжестве все же нашелся честный человек, что тут же примчался, загнав троих голу... тьфу, коней, и рассказал о подлейшей попытке... да-да, подлейшей! Если не нашлось героя, кто решился бы оспорить у меня невесту, то стоило ли прибегать к такому способу выбора жениха?

По лицу воеводы было видно, что и ему такой способ не нравится, но верный служака глазом не моргнул, пробурчал:

– У меня приказ доставить этого человека в княжий терем.

Крутогор возразил:

– Но у меня есть право вызвать его на поединок?

– Есть, – нехотя согласился воевода.

Гридни за его спиной с любопытством смотрели на Олега, ни жалости, ни сочувствия в их лицах он не видел. Всадники Крутогора весело ржали, поглядывали на красноголового парня, как на корову на бойне.

– Тогда дайте ему меч! – выкрикнул кто-то из толпы сочувствующе.

– Пусть выбирает любой, – разрешил Крутогор великодушно. – Мне все равно.

Старый воевода вскинул руку:

– Тихо все! Во-первых, у меня есть приказ доставить его в княжий терем, и я его доставлю. А ты, Крутогор, если так уж хочешь убить простолюдина, сразишь его позже. Когда княжна и бояре расспросят... А во-вторых, что для тебя важнее, золотой сокол так и не сел! Ни на этого, ни на кого другого.

Среди прибывших пробежал ропот. Вожак оглянулся на низкорослого:

– Ты говорил...

– Я видел, как сокол дважды почти садился на него, – заторопился тот, выстреливая слова, как горошины из переспелого стручка. – Я не стал ждать, промедление могло дорого стоить...

Вожак кивнул:

– Ты поступил верно. Вчера не сел, а что сегодня?

Рука воеводы дернулась кверху, словно хотел по селянской привычке почесать в затылке.

Признался озадаченно:

– И сегодня не сел. Отпрянул, будто чего-то испугался.

– Золотой сокол? – переспросил Крутогор недоверчиво.

– Он.

– Разве золотой сокол может пугаться?

– До вчерашнего дня я бы плюнул тому в глаза, кто так бы сказал. Но теперь... Потому этого чужака и велели доставить перед светлы очи княжны и бояр.

Ястребиные глаза Крутогора хищно пробежали по могучей фигуре чужестранца, в которой, однако, нет ничего воинственного, могучими бывают и простолюдины, на суровом лице проступила задумчивость. Покосился на воеводу:

– Ладно. Мы поедем вместе. Но не пытайся меня обмануть! Нас меньше, но что может быть славнее гибели с мечом в руке?.. Да и не думаю, что погибнем. Скорее же сметем этот городок начисто, ибо нас хоть и сорок человек, но это сорок лучших богатырей!

Олег послушно шагал в окружении вооруженных всадников. Люди воеводы ехали справа, дружинники Крутогора слева, Олег невольно сравнивал раздобревших на дармовых харчах

гريدней с подтянутыми суровыми дружинниками, что и смеялись мощно и грохочуще, и сидели на конях так, словно родились в седлах, и хотя железа на них столько, что гридни попадали бы под таким весом, двигались легко и весело, не замечая тяжести, а привычные богатырские кони идут тоже весело, помахивая хвостами и зло зыря по сторонам налитыми красными глазами.

От терема толпу оттесняли пешие гридни. Перед крыльцом был невысокий помост, на длинной скамье, покрытой дорогими коврами, чинно сидели старые бояре. Несмотря на теплый солнечный день, все были в теплой богатой одежде – то ли старческая кровь уже не греет, то ли, что вернее, важно показать свой достаток.

Когда всадники приблизились к помосту, из распахнутых дверей двое дюжих гридней спешно вынесли богатое кресло, почти трон, следом шла настолько красивая молодая девушка, что у Олега на миг перехватило дыхание.

Когда кресло поставили на помост, она грациозно опустилась на сиденье. Ее крупные серые глаза строго и внимательно оглядели Олега. Взгляд стал строже, она надменно выпрямилась, оглядела прибывших всадников, голос ее стал ледяным:

– Почему доблестный Крутогор врывается в пределы моего княжества незванным?

Крутогор на своем коне, огромный, как гора на другой горе, прорычал обвиняюще:

– Разве ты не была обещана мне?

За его спиной прокатился ропот, богатыри смотрели на княжну и бояр с осуждением. В глазах были вызов и надежда, что их оскорбят и дадут возможность искупать мечи в теплой крови, вдохнуть сладкий запах гари от сожженных домов и горящих трупов, с диким гиком проскакать по улицам, сея смерть, убивая, убивая и убивая...

Княжна сказала сдержанно:

– Ты хорошо знаешь, что ты вырвал у моего отца такое обещание под угрозой... И он сдержал бы слово, хотя его сердце обливалось кровью... Он и не пережил, ибо с каждым днем, как приближалась наша свадьба... твоя проклятая свадьба!.. он угасал от осознания своего бессилия, столь оскорбительного для мужчины!.. Это ты убил его!.. Но я, вчера став из княжны княгиней, попробовала изменить проклятую судьбу!..

– С помощью этой птицы? – бросил Крутогор насмешливо.

Ее глаза гордо блеснули.

– Да!.. У меня не было жениха на примете. У меня вообще не было мужчины, я проводила время за книгами, даже не за шитьем и пряжей, как мои сестры!.. И тогда я сама вспомнила... никто мне не догадался подсказать!.. о старинном способе выбора жениха. Если ты знаешь, так даже выбирают на княжение!

Крутогор смерил презрительным взором фигуру Олега:

– Из него князь?

– Почему нет? – возразила она. – Так выбирали. И не только в нашем княжестве! Удачно выбирали. Но я сейчас выбирала не князя, а всего лишь мужа. Но... будь ты проклят, и будь проклят этот сокол, не страшившийся хватать пардусов аки зайцев... что всякий раз, выбрав этого человека, отпрыгивал, как испуганная мышь!

Крутогор выпрямился в седле, рука уперлась в бок, княжеский двор со всем людом оглядел уже по-хозяйски:

– Ладно, все улажено. Став моей женой, ты научишься уважать хозяина. У меня всего тридцать жен, но все страшатся даже моей тени. Да и народ твой разжирел... Ничего, я их научу воевать!.. А этого... ха-ха!.. избранника гоните плетью вон из города!

Всадники разочарованно трогали мечи в ножнах, драки не будет, зато за плети хватались в охотку, выместить накопившуюся злость хотя бы на этом...

Олег сказал поспешно:

– Я рад, что все выяснилось. Но уберите плети!.. Я при чем, если это летало надо мной? Не село же...

Из-за спин княжны, теперь княгини, бояр и воеводы некстати высунулся возмущенный сокольник.

– Ты говоришь о золотом соколе!

– Не село же... – повторил Олег тупо.

Ближайший всадник, не слушая, замахнулся плетью, Олег перехватил руку, дернул. Не ожидавший сопротивления воин свалился как куль, а Олег постарался, чтобы грохнулся оземь так, что железо на нем звякнуло и сплющилось.

Кто-то хохотнул, всадник с другой стороны замахнулся тоже. Олег ухватил другой рукой за кисть, сдавил. Во внезапной тишине все услышали слабый хруст. Олег тут же отступил, а всадник с перекошенным от боли лицом смотрел неверящими глазами на исковерканную кисть, что обильно окрасилась кровью, а острые косточки проткнули кожу:

– Он сломал... он сломал мне руку!

– Зато теперь никто не сломает шею, – поспешно утешил Олег. – Сиди себе на зава-
линке...

Все вокруг застыло, словно фигуры были из камня. Очень не скоро старый воевода шелохнулся, просипел:

– Та-а-ак... не зря золотой сокол...

– Зря, – ответил Олег.

Уже и другие начали шевелиться, воевода спросил тупо:

– Почему?

– Дурак он, – объяснил Олег. – Сказано, пернатое... Откуда ему знать, что мне не до женитьбы?

Крутогор смотрел неверящими глазами, побагровел, Олег ожидал взрыва ярости, но тот вдруг закричал радостно:

– Так он не прост, не прост!.. Ага, странствующий богатырь!

– Какого черта, – огрызнулся Олег. – Не богатырь я, не странствующий, не жених, и вообще я хочу в лес подальше от этой дурости.

Он искал глазами щелочку между конскими телами. Но могучие звери стояли грудь в грудь, дальше угадывались еще десятки и десятки вооруженных богатырей, а еще дальше напи-
рало людское море горожан.

– Ты богатырь, – сказал Крутогор решительно, – но и меня не в капусте нашли!

– Аист принес? – спросил Олег, он безуспешно искал пути, как спустить натянутую тетиву, никого не задев.

– Меня нашли в берлоге, – прогремел Крутогор. Он раздул грудь. – Я был прав, когда сказал, что я убью тебя в поединке!

– Да какого черта, – сказал Олег раздраженно. – Бери хоть весь этот город в жены, хоть всех коров и коз, даже свиней и собак, мне без разницы! Я только шел мимо, вот и все. И сейчас пойду.

Суровый молчаливый воин бросил ему меч. Олег невольно ухватил за рукоять в полете. Крутогор легко спрыгнул с коня, огромный и быстрый, он счастливо улыбался, глаза смеялись.

Глава 10

Дружинники весело орали, злорадно указывали на растерянного Олега пальцами. Крутогор повернулся, вскинул руки, со всех сторон заревели здравицу. Коня поспешно увели, круг раздался, Крутогор выхватил меч, вскинул над головой обеими руками, показывая могучую фигуру воина: широк в плечах, узок в поясе, грудь выпуклая, спина прямая, а ноги длинные и мускулистые.

Он был красив, настоящий могучий и сильный зверь, Олег с осторожностью повертел в руке меч, отмечая недобрый блеск, жажду чужой крови, которой не было в его посохе... Меч тяжелее, чем ожидал, а когда перевел взгляд на воина, бросившего меч, увидел в его глазах удивление. Воин на голову выше других, тяжелее Крутогора, весь как каменная гора мышц, а меч длиннее и тяжелее обычных мечей. Похоже, он ожидал, что красноголовый чужак упадет под тяжестью его исполинского меча.

Олег с осторожностью покрутил грозное оружие, лицо перекошил, словно едва удерживал эту тяжесть, умело вздул жилы на лбу, а шею напряг, ее видят все в первую очередь. Краем глаза зацепил лицо хозяина меча, в глазах воина сомнение, этот чужак в звериной шкуре опоздал прикидываться. Олег видел, как даже толстые губы неумело сложились трубочкой, словно хотел то ли свистнуть своему жожаку, то ли как-то предостеречь.

Крутогор пошел по кругу, смеясь, вскидывая руки, приветствуя дружинников, а бледной как полотно княжне послал воздушный поцелуй:

– Я скоро!.. Этот бой не будет долгим.

Однако, судя по его танцующей походке, он собирался драться красиво и долго, показывая все свое искусство, напрягая мышцы, чтобы народ княжны и его люди могли полюбоваться статной фигурой.

«В самом деле зарубит, – подумал Олег с холодком ужаса. – Этот зверь всю жизнь провел в убийствах. Да не зверей, а людей... А что я?»

Княжна вскрикнула срывающимся голосом:

– Это... это убийство!.. Пусть он наденет доспехи!

А старый воевода добавил хмуро:

– И возьмет хотя бы щит.

Крутогор весело захохотал:

– Почему нет?

По знаку воеводы один из рослых гридней начал поспешно сдирать с себя доспехи. Олег поморщился:

– Не надо. Я же сказал, что не ишу воинской славы.

– Но тебе предстоит...

– Вижу, – буркнул он. – Но что за нелепость полдня паялить на себя все это железо, а через мгновение опять снимать?

Крутогор вскинул руки:

– Он не трус!.. Это хорошо. Отважного сразить всегда почетнее.

Играя плечами, он красивой танцующей походкой стал приближаться к чужаку, что так и застыл с мечом, опущенным к земле. Дружинники смеялись, гридни и княжна с боярами хранили угрюмое молчание. Кто-то из молодых все же не выдержал, жалким голосом крикнул, чтобы защищался, меч все-таки надо кверху, сейчас будет удар...

Олег, словно послушавшись, медленно поднял меч обеими руками. Крутогор остановился напротив, его клинок красиво двигался из стороны в сторону, глаза смеялись, а щеки покраснелись.

«Убийца, – подумал Олег с отвращением. – Почуял запах крови, аж дрожит от предвкушения...»

Крутогор сделал замах. Красивый, долгий, рассчитанный на то, что противник успеет выставить защиту или уклониться, а меч можно метнуть в другую сторону, но красноголовый чужак стоял тупо, и кончик лезвия на лету неумовимо быстро коснулся его локтя.

В толпе ахнули, дружинники весело заорали. На руке из длинной царапины выступила кровь. Крутогор ухмыльнулся, и тут все увидели, как чужак сделал то, чего никто не ожидал: с внезапно рассерженным лицом молниеносно перебросил тяжелый меч словно хворостинку в левую руку, тот взвился над головой, все успели увидеть широкую сверкающую дугу, затем был короткий лязг, смачный удар, словно мясник рассекал коровью тушу, тут же красноголовый странник с отвращением опустил залитый красным по рукоять меч.

В гробовой тишине все смотрели на две половинки того, что только что было смеющимся молодым и сильным князем. Лезвие меча рассекло от левого плеча наискось через грудь и вышло справа у пояса. Красные потоки хлестали бурно, из разреза выпячивались серые легкие, там шипело, комок мышц пульсировал и разбрызгивал кровь по вытоптанной земле, из другой половинки выползали выдавливаемые внутренним давлением окровавленные внутренности, залитые слизью и желчью.

Олег собрал всю волю в кулак и, стараясь не побледнеть и удержаться от тошноты, сказал громко и четко:

– Ваш князь убит. Если не хотите лечь рядом глупо и бесславно, слезайте с коней! Оружие на землю.

Воевода опомнился первым, прокричал хриплым злым голосом, в котором было щенячье ликование:

– И побыстрее!.. Эй, лучники!

В окнах второго поверха вместо служанок уже стояли гридни с колчанами стрел за плечами. Олег услышал скрип натягиваемых луков. Дружинники медлили, неверящими глазами смотрели на то, что осталось от их вожака. Гридни выставили копья, к ним подбегали все новые и новые, окружали, голоса стали громче, свирепее.

Олег чувствовал на себе взгляды всего княжества. Стиснув зубы, вытянул меч в сторону дружинников:

– Считаю до трех!.. Раз... два...

С длинного зазубренного лезвия срывались тягучие капли крови. Они исчезали в широкой луже, что подступала к подошвам его сапог, но острие грозно смотрело, казалось, каждому прямо в лицо.

Мечи, топоры и даже ножи посыпались, как в грозу спелые груши. Олег помедлил, его рука с отвращением отшвырнула меч, он отступил – сколько крови в этом разрубленном теле, за спиной завопили придавленные, когда стена зевак разом отшатнулась, давая ему дорогу.

Он намеревался исчезнуть как можно незаметнее, уже смутно догадываясь, что хоть и ученый вроде, а дурак редкостный, кто же отпустит героя без пира в его честь, и тут же знатные бояре, пока воевода сгонял пленных в кучу, подхватили под руки, пусть не совсем белые, подвели к княжне.

От него ждали то ли поклона, то ли еще чего, он не знал, потому вежливо поклонился:

– Прости, светлая княжна, я как-то шел мимо... Может быть, это у вас игра такая, а я влез как медведь.

Ее красивые глаза расширились. Алые щечки заалели ярче, она вскрикнула удивленно и счастливо:

– Шел мимо? Не скромничай!.. Уж мы-то знаем, через сколько гор, лесов и рек придется пройти герою, прежде чем одолеть злодея!

Да какие горы, вертелось на языке, злодеи и так на каждом шагу. Бей хоть вслепую, все равно пришибешь либо злодея, либо вора. Сказал вслух:

– Прости, но все вышло случайно. Он же чуть на меня конем не наехал.

Бруснильда оглянулась, хлопнула в ладони. Звонкий голос стал властным и сердитым:

– Где конь Крутогора?.. Привести в дар герою!.. Как и все доспехи, оружие, его одежду.

Воевода буркнул:

– По одежке встречают, коли рожа крива. А ему-то зачем? Мужчина должен быть страшный, лохматый и потный.

Олег сказал горячо, чувствуя поддержку:

– Зачем одежка с мертвяка? Да и железо теперь разве что в кузницу. На подковы или еще на что...

Один из старых бояр наклонился к ее уху, пошептал, указывая глазами то на Олега, то на лужу крови, что осталась после того, как уволокли сраженного. Княжна милостиво кивнула:

– Да-да. Ты прав. Объяви, что на три дня все освобождаются от работ и мыта. Везде пляски и песни, скачки и состязания! Княжество избавлено от смертельной угрозы, завтра с утра пир! Для простого люда выставить столы на площадь, из подвалов выкатить бочки с вином! А на столы трое суток подавать из княжеских запасов!

Со стен города гремели трубы, созывая народ на праздник. Не простые из дерева, разбитого молнией, здесь эти трубы называют трембитами, не из рогов, а из блестящей меди, звонкоголосые и радостные.

«Я прошел, – подумал Олег, – огонь и воду, как говорил Мрак. А сейчас, похоже, настал черед медных труб. А это потруднее, потому что как-то рука не поднимается... ну... Отказаться – это же плюнуть этим добрым радостным людям в суп и уйти по своим делам, которых они не понимают. И не поймут».

Это для него так важно научиться чародейству или хотя бы колдовству, а для них смертельная обида, если откажется стать у них князем! Кому нужны какие-то знания, умения, когда уже бери и пользуй!

Его усадили в кресло на помосте рядом с креслом княжны, двое бояр стояли за спиной, положив дряблые ладони на его широкие плечи. Не удержат, конечно, но как-то неловко вскочить, обидеть старых людей...

Княжну отвел в сторонку воевода, быстро и торопливо нашептывал что-то, указывал в сторону гор и часто чиркал пальцем по горлу. Еще один боярин, с недовольным и обрюзгшим лицом, зашел к княжне с другой стороны, пошептал на ухо. В сторону Олега не смотрел, но тот чувствовал, что говорят о нем. Княжна досадливо отмахивалась, боярин настаивал, подозревал еще двоих, втроем убеждали, доказывали, наконец княжна с неудовольствием сказала:

– Хорошо, хорошо!.. Это можно спросить... Но, предупреждаю, каков бы ни был ответ, это ни в коей мере не повлияет на мой выбор!

Боярин развел руками, а она подошла к Олегу, нежно заглянула в его напряженное лицо:

– Витязь, тебя что-то тревожит?

– Да так, – проямлил он. – Ничего серьезного.

«Да разве это серьезно, – подумал несчастливо, – что опять надо удирать от женитьбы, от женщин. Пора бы уже и наловчиться. Могло бы войти в привычку...»

– Тогда скажу... Наш золотой сокол никогда не ошибается!.. Он не случайно, облетев не только наш город и узрев с высоты все княжество, все же направил полет к тебе...

– Он всего лишь птица.

– Птица чародеев, – возразила она. – Он чувствует самых сильных и отважных...

«Дура птица, – подумал он с отвращением. – Уж меня-то отважным назовет только слепой». Но вслух ответил:

– Народу было много. Мог сбиться.

– Нет, – живо возразила она. – Сокол выбрал правильно. Но почему, когда уже готов был сесть тебе на плечо... вдруг отпрянул?

– Спугнули, – предположил он. – Как сейчас помню, мой сосед хотел почесаться, вскинул руку... ну и спугнул.

Она сказала презрительно:

– Так можно спугнуть муху, но не сокола. Нет, он трижды тебя выбирал и отпрядывал трижды...

Олег почувствовал, что забрезжила надежда как-то отбояриться от боярства и даже княжения:

– Издали он решил, что я такой и есть, сверху ж не все видно, а слетел ниже, увидел правду... ну, его и долбануло, как оглоблей. Он еще герой, другая бы птица, попроще, вообще бы лапы кверху!

– Какую правду? – спросила непонимающе, ее серые глаза впились в него с такой настойчивостью, что в самом деле могла бы рассмотреть в нем того, кто ширял над ночными облаками. – Разве ты... это не ты?

– Мы все не такие, какими нас видят, – сказал он неуклюже, умолк, потому что даже самому не все казалось понятно, почему себя видишь так, а другие тебя зрят иначе, ждут от тебя чего-то. – Может быть, эта пташка увидела больше?

Она ответила с достоинством и гордостью владельца чудесной птицы:

– Да, потому ее и запускаем. Но слова твои непонятны... Может быть, тебя слишком сильно по голове стукнули?

Воевода смотрел ревниво, сопел сочувствующе. Не утерпел, вмешался:

– Крутогор его даже ни разу!

– Не сейчас, а раньше, – живо возразила она. – Не мог же такой герой дойти до терема, ни разу не подравшись? Они же все дерутся. Чем сильнее, тем дерется больше. Вот и дошел до нас уже стукнутый.

Воевода сказал твердо:

– Стукнутый или не стукнутый, какая разница? Для мужчины это неважно. Отныне он щит и меч княжества. А что стукнутый, так даже лучше. Не до пиров и бесед будет. Стукнутые только и думают, как бы стукнуть других, днюют и ночуют на кордонах, супротивников ищут...

– Он должен править, а не спать на казачьей заставе, – возразила она гневно.

Воевода прикусил язык, поклонился, отступил. Но в его глазах Олег читал скрытую уверенность, что настоящие мужчины, да еще стукнутые, недолго остаются в женских постелях.

Внезапно словно что-то сломилось в напряженном теле юной Брусильды. На лице появился испуг, Олег даже отшатнулся, когда она с детским криком бросилась ему на грудь. Ее тонкие нежные руки обхватили его шею.

– Не исчезай!

– Что... – пробормотал он, – что случилось?

В ее больших серых глазах появились слезы. Пухлые губы задрожали, на лице выступило такое отчаяние, что у Олега запершило в горле.

– Вдруг почудилось, – прошептала она со страхом. Из глаз выкатились две крупные слезы, проползли по бледному лицу, оставляя мокрые дорожки. – Вдруг стало так страшно... что ты исчезнешь так же внезапно, как и...

– Я не призрак, – пробормотал он.

Она слегка отстранилась, упираясь кулачками в его твердую, как дерево, грудь. На мокром от слез личике проступила слабая улыбка.

– Это я чувствую. Кто ты, герой? Какого роду-племени?

– Не здешний, – ответил он уклончиво.

Воевода нетерпеливо протиснулся через окруживших княжну бояр, глаза его с чувством собственника осматривали чужака в одежде дикого лесного человека. Но голос уже был деловым, хозяйским:

– Так вот где изюминка зарыта!.. Из Леса, говоришь? Плечи широки, в руках мощь, а двигаешься как рысь... Да, жить в лесу – видеть смерть на носу. Из вас выживают только такие вот, крупные да быстрые... Как там у вас говорят: береги честь смолоду, коли рожа крива. Все-таки рыжий... Но все равно, обижайся или не обижайся, но сразил ты Крутогора больше по счастью. Он просто не ожидал от тебя ни такой силы, ни верткости. Хоть и подлый был человек, но витязь великий... Завтра подберем по тебе доспехи. Добрый топор... можно даже меч, если княжна разрешит, и начнем, начнем...

– Что начнем?

– Упражняться, что же еще? – удивился воевода. – Сила еще не все, как и увертливость. Витязю надо знать семьдесят приемов боя супротив противника с топором и мечом, еще семьдесят пять супротив оружного мечом, сто четыре – супротив двух с топорами...

Олег прервал:

– Хорошо-хорошо. Завтра, говоришь? Пока подбирай доспехи. А утро вечера мудренее.

– Ну тогда до завтра, – ответил воевода с сомнением. В прищуренных глазах было недоверие – заспится этот богатырь до полудня, даже если княжна не допустит до него сенных девок, что уже при виде такого парня взмокли снизу. Эти простые люди потому и простые, что останавливаются сразу же, едва видят накрытый стол и спелых девок. – Я пришлю за тобой гридней будить. Вообще-то я не больно жалую опоздунов... э-э... как говорят наши культурные бояре, опозданцев.

– Я встаю рано, – сообщил Олег.

– Да? – ухмыльнулся воевода. – В этом княжестве по-настоящему рано встаю только я.

Княжна деловито распоряжалась, к ней подбегали управляющие, бояре, сотники, но чувствовалось, что она умеет править умело и уверенно. Однако Олег то и дело ловил на себе ее взоры, то застенчивые, то умоляющие, а то и вовсе трусливые.

За ним тоже гуськом ходили бояре, ловили слово, он в последней попытке отбояриться протолкался к ней:

– Славная Бруснильда! Не делаешь ли ошибку? Все-таки я не княжеских кровей!

Она просияла:

– Вот и прекрасно!

– Почему?

– Дурни, они ничего не понимают!.. Ты и будешь основателем великого и славного рода, из которого выйдет много героев, способных завоевывать княжества, разорять царства, топтать поля врага и уводить в полон женщин и детей!.. У каждого княжеского рода основателем был либо простолюдин, наделенный необычайной силой, либо вообще дикий человек из гор, леса или песков. Самая большая слава ему, самые красивые песни ему, самые героические песни и легенды – о нем!

– Да брехня это, – отмахнулся Олег. – Мне старый Боромир рассказывал. Это волхв, у которого я учился...

– Так ты еще и грамотный? – спросила она с беспокойством. В серых глазах появилась задумчивость, княжна прикусила губку, на лбу безуспешно подвигалась кожа, пытаясь собраться в складки, потом чудесные глаза просияли. – Пока что можно об этом никому! И так со всех сторон: почему пеший, что за мужчина без коня...

– А что рыжий? – осведомился он угрюмо.

Она отмахнулась:

– Это терпимо. И среди рыжих не все уроды. Для мужчины внешность не главное. Чуть красивше козла – уже красавец. Главное, ты здоровый, как сарай. Теперь тебя все боятся, а это в жизни главное... Эй, девки! Отвести нашего дорогого... гос... жениха и правителя в его покои! Воды нагреть, перины взбить, подмести, пол посыпать душистыми травами!

В тереме стояла радостная суета. Челядь спешно готовилась к великому пиру, во дворе пока поставили походные котлы, жаровни, торопливо пекли, жарили, варили, вечером на их место вынесут столы, он видел, как на первом поверхе непрерывно грели воду, как цепочкой, словно муравьи, таскают от колодцев в расписных ведрах, потом за ним явились сенные девки, щеки как помидоры, веселые и смешливые, глаза хитрые. Его привели в светлицу, туда невесть каким образом затащили огромную бадью, шел пар, вода заполняла до половины, а снизу воду несли еще и еще.

Его раздели, все со смешками и шуточками, усадили в бадью, вода не горячая, а как раз чтобы расплыться от удовольствия, как тесто на середине стола. Его поливали из трех серебряных ковшиков, со смешками скребли, терли, отмывали, чесали, лезли в уши, терли, и не только уши. Взвизгивали и сами плескались, он терпел, сперва напряженный, как струна на степняцком луке, потом сделал выдох и сказал себе: а почему нет?

Глава 11

А почему нет, сказал себе, когда стоял голый в светлице возле окна, на него падал яркий солнечный свет, а хитрые девки неспешно вносили богатые одежды. Примеряли, советовались, заставляли снимать, а лишь затем отправлялись за другими.

Почему не заниматься чародейством, будучи князем? И учиться проще, князя учить не так, как ученика... У него сотни слуг, готовых выполнить любое повеление. Враги будут страшиться, а друзья искать его защиты...

Из раскрытого окна доносились хриплые вскрики воинов. Усталые, мокрые от пота, как мыши, переплывшие реку Даны, гридни бросались дружно на обрубки дерева, кололи и рубили, а безжалостный воевода всякий раз находил их промахи. За что в бою потеряли бы головы, заставлял кидаться на деревянную чурку снова и снова.

В другое окно тянуло горьковатым запахом смолокурни. Мерно бил молот, к запаху смолы примешивался человеческий аромат горячего железа. Судя по ударам молота, ковали не мечи, а либо плуг, либо простые подковы.

Олег вздохнул, по телу прошла холодная волна. Это странник слаб и голоден, как птица, но, как птица, и свободен. А князь обязан и сам упражняться с мечом, и воинов упражнять, и за боярами следить, и кордоны укреплять, и подать не упустить, и пастбища расширить... и много-много такого, что не даст голову поднять к небу, а не то что раскинуть мыслями о вечном и нетленном. Мозгами раскинуть может, на то и воин, а вот мыслью княжеским рылом не вышел.

Ему кланялись уже как князю, что побил самого Крутогора, это великий герой, конечно, но герою можно шубу с княжьего плеча и поди охраняй кордоны, чтобы чужих бил, а в своем граде не буянил, мужних жен не бесчестил. Этого же княжна приветила, обласкала. Значит, быть под его рукой, так что поскорее бы присмотреться, угадать, чего от него ждать, на чем можно проехаться, на чем поймать.

Олег видел везде поклоны, вытаращенные в любопытстве и почтении глаза. Иные кланялись чересчур усердно, старались попасться чаще, чтобы заприметил. Он чувствовал, что ему приятно, ведь это он идет с прямой спиной, а кланяются все, кто попадается навстречу.

Не поклонился только князь соседних земель... мерзавец, что он о себе думает? Или не знает еще о судьбе Крутогора, что тоже считал себя великим героем? Кто кланяется, к тому милость, кто не поклонится – того надо наклонить так, чтобы сапоги ему поцеловал. И другие князья узрят, что с покорными да послушными он добр и ласков, а с дерзкими да гордыми, да-да, с теми сумеет говорить на другом языке.

– На другом, – повторил он вслух, чувствуя, как кровь ударила в голову, а кулаки сжимаются сами по себе. Если понадобится, то и магия поможет... Что-то умеет и без обучения! Змея вызвать ли, огненный ветер, а то и землю трескануть...

Трубы гремели все мощнее, громче, в медном реве слышались ликующие крики победителей, лязг мечей, сухой стук стрел о деревянные щиты, ржание горячих коней, крики воинов и сладкие хрипы умирающих врагов.

Вдруг слух болезненно царапнуло. Он вздрогнул, огляделся. Он стоял с перекошенным лицом у окна, видно и слышно трубачей на городских воротах, те покраснели от натуги, щеки раздуты, как переспелые тыквы, глаза от усердия выпучены, как у сов. Один то ли от усталости, то ли слюней напустил в медное горло, как голодный пес при виде сахарной кости, но начал выдувать не в лад с другими. Чуть-чуть, самую малость, Олег чувствовал, что никогда бы не заметил, не ощутил: ну дудят и дудят, он различает, только если дудят громко или тихо, а все остальное...

Чертов Таргитай, мелькнула горячая мысль. Если бы не донимал их с Мраком своим дудением, то так бы и не учуял сейчас крохотный сбой, что как по сердцу царапнул и сразу разрушил те высшие чары, что набрасывают на человека музыка или пение.

В металлической пластине, что заменяла здесь зеркало, он увидел свое отражение: могучий молодой мужик, взъерошенный, полный ярости, растущей злобы, уже готовый обрушиться на соседей только потому, что те вдруг когда-нибудь могут захотеть напасть на его земли, увести его скот, насиловать его женщин! Которых может насиловать он сам, как князь, властелин этих земель, сел, лесов, двух озер, шести мостов!

Насиловать по праву сильного, который даст потомство более сильное и здоровое, чем все эти слабые людишки...

– Черт, – сказал он вслух, – опять... Опять!

Он закрыл ладонями уши, ноги с неохотой понесли от окна. Чувство было такое, что отказывается от большого и сытного ужина, от сеновала с теплыми и сочными девками, а то, ради чего отказывается, то ли будет, то ли будет что-то такое...

«Трус я подлый, – подумал он с раскаянием. – Всего боюсь, но из этого всего нет страшнее откровенного разговора с женщиной. Мужчине дать в лоб могу, мозгами раскинет на полдвора, но как объяснить этой молодой и ослепительно красивой, что не хочу в князя, что чего-то бы такого... такого...»

Бедная девушка тут же в слезах напрыгнет на зеркало, что же в ней такого, ведь даже на уродинах женятся, неужто она такое страшилище, но кони ж не пугаются, да и люди говорят, что не страхолюдина, не могут же все врать!

Он распахнул двери в сени. Молодая девка с готовностью вскочила, мощно колыхнула спелыми грудями.

– Что изволишь, господин?

Голос был игривый, глазки стреляли по сторонам, не слышат ли, успеют ли, Олег посмотрел бараньим взором, велел:

– Ну-ка, принеси мою волчовку.

Девка от удивления распахнула рот так, что он мог рассмотреть под нею половицы. Даже отшатнулась:

– Это... какую?

– Мою, – повторил он отдельно. – В которой я пришел. Из волчьей шкуры. Не этих серых... что как зайцы шныряют по полям, овец режут, а из шкуры настоящего волка...

Она разевала рот, как рыба на берегу. Глаза от удивления вылезали из пещер.

– Но княжна велела... На тебе, витязь, лучшая одежда во всем княжестве! Лучшие девки-золотошвейки трудились, очи при лучине портили, старались!

– Верю, – сказал он терпеливо. – Но сейчас принеси мне мою волчовку! Поняла?

Она опасливо попятилась, витязь явно сердился, хотя непонятно за что. Попробовала объяснить:

– Теперь негоже в этой поганой шкуре на людях-то!.. Ведь встречают по одежке. Кто силен да умен, кто видит? А одежду издали видно. Эта сияет так, что как бы вороны не сперли. Только золотое да красное!

– Это дурак красному рад, – буркнул он.

– А умный носит, – парировала она.

Он повысил голос, эту девку не переспоришь, здесь и князя подчиняются обычаям, которые только для странников да волхвов не писаны:

– Где? Моя? Волчовка?

Она отступила еще, перемена в голосе молодого витязя не нравилась.

– В главной палате. Княжна по совету бояр велела повесить ее над престолом. Чтобы все видели, в чем пришел человек из Леса, спасший ее княжество! И каким князем стал.

– В какой одежде теперь, – сказал он понимающе. – Так?

Он раскованно слетел по лесенке, напомаженные маслом волосы растрепались, встали неопрятными красными космами, как застывшие языки пламени. Подошвы утопали в мягких коврах и шкурах, на перилах мелькали резные фигурки диковинных зверей, пахло душистыми травами, но он уже чувствовал за стенами простор, свежий ветер и внезапно понял степняков, для которых высшее счастье вскочить на коня и мчаться по степи, разрывая грудью встречный ветер.

Задний двор тоже полон челяди, режут скот для пира, но хоть нет княжны или воеводы, Олег бегом пронесся к забору, прыгнул, ухватился, перебросил себя на ту сторону, на улице что-то шарахнулось, загремели горшки. Стены домов замелькали и слились в серую полосу быстрее, чем если бы мчался на коне.

Когда возникла и начала стремительно надвигаться городская стена, он не стал высматривать ступеньки и лесенки, подпрыгнул, с разбегу сильно ударился грудью и коленями, но пальцы зацепились за край, без усилия встал наверх, сразу соскочил на ту сторону и, пригибаясь, словно по нему стрелял десяток лучников, метнулся от бревенчатой стены через вырубленное место к близкому лесу.

Еще ввиду городских стен увидел, как на опушку вышел огромный матерый лось, безглаголиво понюхал воду в крохотном озерке, отхлебнул, огляделся, принялся нехотя, как боярин в хате простолюдина, цедить воду.

Вроде бы мудрецу пристала неторопливость и даже величавость, Олег об этом вспомнил уже на спине лося. Тот несся напролом через кусты, колючие ветви хлестали по голым плечам, прыгал через буреломы, и душа замирала в страхе, ибо если лось грохнется, то шеи сломают оба...

Ноги лося выдерживали, Олег дважды тыкался лицом в твердые рога, разбил лоб и разодрал губу. Наконец, когда после долгой бешеной скачки вдали замаячили хатки уже не из бревен, а глиняные, он понял, что земли Бруснильды кончились, это уже другое племя, здесь другие правители, а о нем, скорее всего, пока что не слыхали.

Освобожденный зверь метнулся в лес. Олег проводил завистливым взглядом. Хотя нет, там надо уединяться, когда наберет мешок, а лучше два разных разностей, что не поместятся и не уложатся в голове, а выбросить жалко. Тогда в пещеру, чтобы все осмыслить, приладить, понять, придумать, как жить дальше с тем, что узнал, как всем этим пользоваться. Сейчас же дурак дураком, какие пещеры, какое отшельничество?

Деревья раздвинулись приглашающе. Узнав своего, повели было в чащу, но вовремя почуяли его новую жажду, бросили под ноги тропинку, что вела хоть и вроде бы в глубину, но там за лесом новые распаханые поля, новые веси и даже, может быть, города или хотя бы городища...

Ноги двигались все быстрее, деревья замелькали, он ощутил, что мчится, как только что мчался лось. Бег – естественное состояние человека, а в последние дни он ходил как старик, которому не до бега. Сейчас же даже не разогрелся, ноги отмахивали версту за верстой, только сердце застучало чуть чаще, гоняло кровь, но дыхание почти не участилось, сила в теле не тает, даже прибавил в беге, стараясь изнурить свои мышцы, но сила все еще выплескивалась из ушей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.